A photograph of a volcano erupting. A large, dark plume of ash and smoke rises from the crater, partially obscuring the sky. A bright orange-red lava flow is visible in the center of the eruption. The foreground shows the dark, ash-covered slopes of the volcano.

Краев Н.П.

МОИ ВУЛКАНЫ

Самиздат

2013 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Предисловие к воспоминаниям 2	
2. «Скажи мне, кто твой друг...» 3	3
3. «...и я скажу, кто ты» 4	
4. «Секретное» извержение 5	
5. Кратер Б.И.Пийпа 7	7
6. Гости «дьявола» 9	9
7. Апохончич 11	11
8. Штурм высоты 13	13
9. Восхождение «к юбилею» 17	
10. Камчатский отпуск – 72 г 20	
11. Эксплозивный кратер Безымянного 22	22
12. Сопка Овальная Зимина 25	
13. Снова Безымянный, снова Фешин 28	
14. Вершина восхождений 29	29
15. «Легкая гора» Толбачик 32	32
16. Прощание 37	37
17. Боковой прорыв Ключевской – 74 г 38	
18. Рождение кратера – 75 г 43	

19.16 августа	52
20.17 августа	55
21.Пенсионные восхождения	
60	

Всем друзьям, живым и ушедшим, всем, кто равнодушен к окружающему нас миру, – посвящается.

Предисловие к воспоминаниям

Не думал, не гадал я в те далекие 60 – 70 годы прошлого века, что буду писать какие-то воспоминания. Главным в то время было восприятие момента и его фиксация на пленку. Откуда мне было знать, что через десятилетия эти снимки вызовут ажиотаж в Интернете. Слов то таких тогда не было вообще: компьютер, Интернет. Новые технологии, новые способы передачи информации дали возможность общаться за тысячи километров совершенно незнакомым людям, которые объединяются по общим интересам и становятся близкими по духу друзьями.

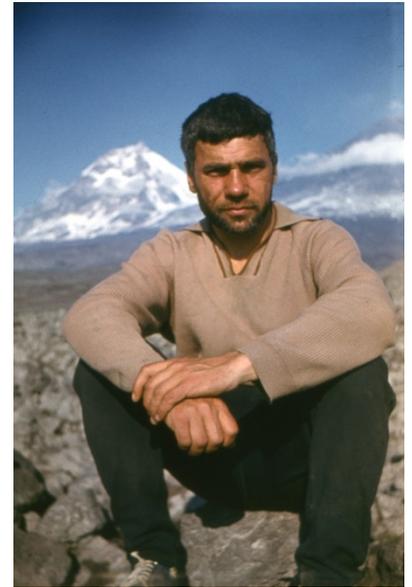
Увлечения по молодости красотами Камчатки переросли со временем в неистребимое влечение и любовь к ней, ее вулканам и людям этой горячей, в прямом и переносном смысле, профессии. Короткие и длительные знакомства с вулканологами оставляли свой след в памяти и на пленке. Накопленные годами походов горы фото- и кинодокументов, дневников этих походов требовали выхода. В годы активной туристской деятельности это находило отражение в показе на туристских встречах и слетах, в показе на местном ТВ и печати. Рассказы и показы фото и слайдов, а также кино, видимо из-за необычности материала, вызывали повышенный интерес читателей и зрителей.

И вот настойчивые просьбы нынешних пользователей Интернета заставляют меня взяться за перо. Желание рассказать о прошедших событиях пересиливает боязнь провала начинающего рассказчика. Все ниженаписанное – это память и обработка дневников походов по вулканам Камчатки 1964 – 1989 гг.

Хотелось бы обратить внимание тех, кто увидит в моих описаниях и рассказах какие-то нестыковки или неточности. Прошу отнестись к ним снисходительно и простить меня за них, ведь это мое видение ситуаций и событий, мое восприятие их и мои переживания.

«Скажи мне, кто твой друг, ...»

Не скажу точно, когда мы увиделись первый раз с Борисом Вежлевым, но первые наши совместные походы выходного дня начались с лыжных вылазок к подножью Ключевского вулкана весной 1968 года. Ходили мы небольшими мобильными группами в 4-5 человек с хорошей лыжной подготовкой, бывало и с оружием, на случай встречи с медведем. Борис Вежлев, офицер, на Камчатке с 1964 года, владел фотоаппаратом и узкоплёночной кинокамерой. Старше меня на девять с лишним лет, что никак не сказывалось на наших отношениях. У него не было командного голоса, вместо него была уверенная настойчивость, против которой, как ныне говорят, не «попрешь». Да и что «переть», если человек знал в этих вопросах больше меня – я просто поглощал эти знания, учился всему, чего не знал или не умел. По его совету, да и по своему желанию, тоже купил себе узкоплёночную кинокамеру. Это был старт в мир кино, затем перешедший, на телевизионный 16 мм формат. А фотоаппаратом «Смена» начал «щелкать» с 14 лет. Общие интересы сблизили нас – служба в одном гарнизоне, походы, фото, кино, а затем знакомство с вулканологами - четой Козевыми Севой и Людой, подвело нас к более серьезным восхождениям.

Знакомство с Валентином Фешиним, обладателем замечательной окладистой бороды, сыграло поистине решающую роль в моей дальнейшей судьбе при обследовании извергающихся побочных кратеров. Это он ходатайствовал перед руководством вулканстанции о заброске меня на кратер 4 ВВС в 1974 году, когда в условиях начинающейся зимы добраться до него можно было только вертолетом. Это он мною подменил себя на полевой сейсмостанции в 1975 году на Большом трещинном Толбачинском извержении, тем самым дав мне возможность увидеть уникальное извержение. Такое знакомство не забывается с годами, а наоборот, становится родственным.

Я появился в жизни Юрия Михайловича Дубика

очень неожиданно для него в 1974 году. Вместе с гляциологами группы Виноградова В.Н. меня выбросил вертолет в нижнем лагере побочного кратера на юго-западном склоне Ключевской сопки. На его лице, как руководителя группы вулканологов, явственно читалось неудовольствие - что это за «фрукт» тут появился. Пришлось неудовольствие снимать извечным русским средством. Зато на извержении побочных кратеров Плоского Толбачика в 1975 году его улыбка и приветливое: «Ты опять здесь? Ну и даешь!» дали понять мой статус - принят.

«...и я скажу, кто ты!»

«Какого черта тебе не сидится дома?» Или «езжай на море» - перед отпуском слышал каждый раз. Но после показа первых слайдов извержений и вулканов тональность изменилась диаметрально: «Ты опять туда?» или «Почему не поехал на Камчатку?»

Я не очень задумывался над вопросом, откуда у меня такая тяга к горам. Просто тянуло к высоте, и я ее осуществлял. С детства не боялся высоты, хотя в родстве нет никого, кто бы занимался горами. В 7-8 лет играли в финских «кукушек» (наследие войны), лазая по деревьям. Другое дело - отец, охотник и рыбак, с 12 лет дал в руки ружье, брал на рыбалку. Учил разводить костры, ночевать в шалаше, ходить по заячьим и лосиным следам. Затем юношеские походы на рыбалку и отдых, поездки по туристическим путевкам и работа в геологической съемочной партии на Южном Урале.

А «государственный туризм» помог мне узнать 60-ти градусные морозы Колымы, когда по направлению, после окончания техникума, выбрал Магадан. Другой «туроператор» приказал долго не морозить нос и отправил на Камчатку, отогреться «строевой на плацу» у подножия Ключевского вулкана, за что ему был благодарен и буду, всю оставшуюся жизнь.

Пяти лет жизни на Камчатке не хватило, чтоб узнать ее и побывать везде. Четырежды самолет уносил меня туда в отпуски и отгулы, побывать на вершинах потухших и действующих вулканов, посмотреть как магма тысячами брызг и лепешек рвется вверх, а лава течет рекой, где барабанные перепонки разрывают звуки рева извержения. Такое не забыть. Не забыть никогда.

«Секретное» извержение

Сначала о секретах. Мы любим секреты: кто-то свято их бережет, а кто-то с удовольствием их рассказывает. В последнее время все чаще продают. Появление молодых в армии окутано ими с ног до головы. Сначала мы не знали куда летим, выдали секрет-бирки на наши рюкзаки и чемоданчики с указанием пункта прилета – г. Петропавловск-Камчатский. Потом три месяца топтали шлак и вулканический песок в отрыве от гарнизона на Больших песках, узнавая новости из воинского Устава. И месяц, после прибытия в свои части, мало что добавил. Дали только нам бумажки подписать о неразглашении тайны. Стали мы еще более таинственными. Просто не видать нас стало. И письма-то нам писали, как на деревню дедушке: номер части и ФИО. Слегка приоткрою завесу секретности, потому как приближается извержение.

12 ноября 1964 года группа лыжников, как обычно ранее на час общей побудки, побежала в сереющей темноте на тренировку по дороге на аэродром. Какое-то время занимались, не обращая внимания ни на что. Потом заметили вспухающую над гарнизоном черноту. Вот они секретные испытания – пронеслось в молодых головах, «Шивелуч, Шивелуч!» - закричали «старики».

На плац между казармами высыпали все их обитатели. Стало ясно из разговоров информированных людей - началось извержение вулкана Шивелуч. Каких только пересудов не было среди солдат?! От испуга до восторга, второго, конечно, больше. Как же иначе! Такого события почти никто в жизни не видел. До вулкана километров 50 – 55 по прямой. Глухой рокот доносился до нас. Черная клубящаяся туча в сером рассветном небе утыкалась в высоту и грозно кренилась в нашу сторону. В пепловой туче беззвучно сверкали молнии. Были ли в армии какие-то указания насчет извержения - мне неизвестно, но долго любоваться величием природы нам не дали. Через некоторое время пепловая туча под воздействием ветра завесой повернула на восток, в сторону райцентра Усть-Камчатск, спасая наше военное имущество от полного разгрома, а нас, славян – от превращения в негров. В Усть-Камчатске день с утра не наступил. Местность была засыпана пеплом, погорели все включенные приборы, из розеток сыпались искры. Это все в пересказе тех, кто там слышал рассказы очевидцев.

А вот что рассказал мой сослуживец Юрий Фролов через 48 с лишним лет об этом извержении:

«В 7 часов утра нас вывели на физзарядку. В темноте слышали гул и уханье со стороны вулкана Шивелуч. Мы забыли о зарядке. Увидели облако, по которому метались

молнии. Радист говорил о том, что в наушниках стоит страшный треск. Связи нет. После рассвета, в чистую, ясную погоду увидели огромный столб черно-серого пепла, медленно клубящегося вширь. Поступила команда в казарму не заходить, земля подрагивала, и углы казармы поскрипывали. Гул стоял непрерывный, и канонада то ли выстрелов, то ли взрывов не прекращалась. Столб пепла начало сносить в сторону Усть-Камчатска. По этому столбу носились гигантские молнии. Офицеры фотографировали извержение, но нам фото из-за режима секретности не досталось».

Что же с секретами? А их никто и не отменял. Письмо домой читалось так: «Мы сегодня такое видели!!! У нас такое произошло!!! Красота неопишная!!!» и т.д., и т.п. , без упоминания вулканов и места на карте. Через месяц, именно столько ходили мои письма домой и обратно, читаю ответ отца: «Хм, теперь я знаю, где ты служишь, сынок! В «Правде» написано, что 12 ноября 1964 года на Камчатке произошло катастрофическое извержение вулкана Шивелуч». Такая вот была секретность от нашего народа, которую отменили через четыре месяца. Может в этом помогло извержение Шивелуча?

Кратер Б.И. Пийпа

Второе извержение, которое видели все служивые и жители п. Ключи без всяких приборов, началось 6 октября 1966 года на высоте 2000 м северного склона Ключевской сопки, примерно в 20-25 километрах от гарнизона. В отличие от извержения Шивелуча, здесь звуки извержения явственно доносились до зрителей. Преимущественно восточные и западные ветра гнали пепел пепловых туч

мимо гарнизона и п. Ключи. Но при смене ветра, через южное направление, доставалось и нам. Помню, как только что выпавший снег ночью покрылся пеплом. И совсем необычно смотрелись следы от сапог – сверху чернота, а внутри белизна. Это извержение было названо именем член-корреспондента и первого директора Института вулканологии АН СССР Б.И. Пийпа, скончавшегося весной этого года. Доступность нового извержения была выше, хотя и был уже снег.

К лавовому потоку, излившемуся из нескольких кратеров, кроме специалистов понаехало много людей. Среди них туристы, фото- и кинооператоры, корреспонденты. Возможность снять на пленку такое событие была у широкого круга людей. Поэтому, это первое извержение, которое столь широко освещалось в печати и на ТВ.

Извержения Шивелуча и бокового кратера имени Б.И. Пийпа и на меня (тогда еще солдата) произвели неизгладимое впечатление, которое подтолкнуло меня на кардинальное решение - остаться на сверхсрочную службу и походить по этим огнедышащим горам. Посмотреть, пощупать своими руками, что же это такое – вулканы? Еще будучи на солдатской службе в спортроде, мы в качестве тренировок бегали в горы к подножию Ключевского вулкана. В марте-апреле месяцах 1967 года, когда солнышко пригревало, а ветер не был столь жестоко холодным в горах, мы добирались до еще теплого кратера имени Б.И. Пийпа. Там раздевались до плавок и принимали солнечные ванны и тепловые земли, пахнувшей серой и еще чем-то необъяснимым. Первое восприятие кратера, из которого совсем недавно лилась лава, рвались вверх пепловые тучи, оказалось неожиданным.

Это конус с самой обыкновенной воронкой сверху. Где та дыра в земле, из которой шел пепел, лилась лава? Ее не было, и это открытие ставило нас в тупик. Только из фумарол (и этот термин я узнал позднее), да прямо через шлак пробивались пары и газы, от которых было тепло, но и небезопасно. Когда ветер стихал, сразу становилось

трудно дышать, что заставляло нас карабкаться вверх на кромку. Первые образцы шлаковых камней и вулканических бомб я привозил оттуда, раздавая друзьям по службе. Таким вот оказался мой первый кратер – и экспонат, и учитель.

Гости «дьявола»

До моего первого отпуска 1968 года мы уже успели сдружиться с Борисом Вежлевым, походить к подножью Ключевской сопки на лыжах, наметить «планов громадьё». И так сложилось, что отпуск пришелся на август - самый приемлемый месяц для горных восхождений, даже в условиях Камчатки с ее дождями, туманами и прочими «прелестями» в виде комаров и мошек.

Путь наш лежит на действующий вулкан Безымянный. До 1956 года считался вообще потухшим. 30 марта 1956 года катастрофический взрыв снес 300 м вершины. Как пишут источники, пепел выпадал в Лондоне, а звуковая волна дважды обогнула земной шар.

Юрий Фролов, житель Камчатки и очевидец катастрофического извержения Безымянного, вспоминает: «Оно прихватило меня в классе школы с. Николаевка в 6 км от Усть-Камчатска. Затрещала бревенчатая школа, заставившая нас выскочить на улицу. Земля уходила из под ног. Мы увидели, как затрещал лед на реке и сквозь трещины забили фонтаны воды. Стал доноситься гул, с неба посыпался пепел, в воздухе стоял дикий серный запах. Пепел падал в течение месяца, столько же до изменения направления ветра не видели солнца».

На месте взрыва в эксплозивном кратере, образовавшемся при катастрофическом извержении 1956 года, под давлением магмы стал расти новый купол.

С купола поднимаются струйки газов, тихая мирная картина. На гребне эксплозивного кратера прилепился домик вулканологов, в котором живет дежурный вулканолог с сейсмографом и рацией. А чтоб не скучно было, да и защита какая-никакая от того же медведя, рядом бегала собака Вулкан. Другого имени собаке в этом краю вулканов никто и

мыслить не может. Хозяином домика оказался бородач Валентин Фешин. Его бороде можно позавидовать, настолько была красива и очень шла ему. Познакомились. За ужином мы с Борисом высказали

пожелание подняться на купол, Валентин рассказал о путях подъема, о том, что творится на куполе, пожелал удачи.

Спозаранку, взяв все необходимое, пошли к куполу. Через полчаса были у его подножья. Тихо, облачно, и ветра нет. Струйки газов вертикально тянутся вверх. Идеальная картина. От подножья купола вниз тянется кулуар со следами лавины. Мы и поднимались по его краю. Немного нам еще понадобилось времени, чтоб забраться на самый верх купола. Нагромождение камней и плит довольно крупного размера. Самая большая достигала 15-20 квадратных метров. С изумлением вглядывались мы в трещины между ними шириной до 10 см, заполненные малиново-белым огнем. На краях этих трещин наросты или фумарольные отложения. В просторечии их называют «возгонками». Они красивого, от бело-желтого до красно-коричневого оттенка цвета, с сильным запахом серы и хлора. Забыв о съемках, мы выискивали самые красивые из них, отбивали и укладывали их в материал, коим служили запасные носки и носовые платки.

Мы позабыли обо всем, в том числе и о приемах ковбоев, которые сначала стреляют, а потом говорят. В переводе на язык туристов, нам надо было сначала снимать, а уже потом любоваться и собирать сувениры. Каменный скрежет и движение этих огромных плит под ногами мгновенно отрезвили наши туманные головы. Осознав грозящую нам опасность, бросились к спуску, потеряв направление к нему из-за сгустившихся газов и начавшейся облачности. Несколько минут почти паники и поисков вывели все-же нас в нужное направление. С «возгонками» в рюкзаках и без единого снимка восхождения топали мы вниз, облегченно вздыхая от пережитого и расстроенные тем, что не сняли ничего. Подходя уже к домику, слышали за спиной грохот и шум. Нашим глазам предстала катившаяся по тому месту, где только что мы спускались, каменная лавина. Переглянулись, дружно отирая пот со лбов и унимая дрожь в коленках.

АПОХОНЧИЧ

Апохончич – бог огня в камчатских поверьях, так ответили старожилы этих мест на мой вопрос. Именем Апохончич назван боковой прорыв юго-восточного подножия Ключевской сопки 1945 года и излившийся лавовый

поток из него. В конце этого потока на гребне сухой речки стоит домик вулканологов, в котором размещена сейсмостанция. Здесь постоянно работают двое – сейсмолог и рабочий.

Апохончич – конечный пункт 80-ти километровой дороги из Ключей. Громко сказано, дороги! Я бы ее назвал трассой для испытания машин, грузов и людей. Вулканический песок «сухих и мокрых» речек, выступающие камни древних лавовых потоков и вулканических бомб, бесконечные подъемы и ветки деревьев, цепляющие машины и людей, продирающихся через них. Мы, сидящие в кузове изношенного ЗИСа, не могли видеть препятствий, на которых прыгала как мячик машина. Но очень хорошо чувствовали это на своих боках, валясь от одного борта к другому, ловя ускользящие рюкзаки одной рукой, другой придерживая фотоаппараты, зачем-то бесполезно висящие на шее. Завывая от перегрева двигателя, машина доползла до Апохончича и заглохла от бессилия, потому как последние километры прямо в гору вымотали не только нас. Пассажиры не верили тому, что езда закончилась, и какое-то время сидели молча. Потом загомонили, начали выскакивать и вытаскивать рюкзаки. Некоторые их хозяева оплакивали свой «НЗ», наспех засунутый у магазина и не выдержавший бешеной тряски на вибростенде, именуемым кузовом. А на обратном пути уже нам с сожалением приходилось констатировать и выбрасывать, так тщательно и любовью собранные образцы бомб и «возгонок», превращенных этим вибростендом в труху.

Апохончич – начальный пункт всех путешествий и восхождений на окружающие вулканы Ключевской группы. А здесь их немало. Такой концентрации постоянно действующих вулканов на Камчатке больше нет нигде. С Апохончича в ясную солнечную

погоду открывается великолепная панорама вулканов: величественного Ключевского, побитого долгой жизнью Камня, активно возрождающегося Безымянного, независимого Острого и ровного как стол Плоского Толбачика. Снежные купола Овальной Зимина и Горного Зуба завершают этот уникальный парад вулканов, от которого невозможно оторвать взгляд. Впервые увидев эту бесподобную картину во всем ее великолепии, стоял замороженный, как будто зная, что мне больше не удастся видеть ее такой. Так оно и получилось: то Ключевская в облаках, то газы Безымянного не дают его рассмотреть, то ... Любое из «то» превращается в простое «нет». Прошедшее восхождение на купол Безымянного очень наглядно это показало, оставив нас без уникальных кадров.

Штурм высоты.

Вот отсюда, с Апохончича, мы с Борисом пошли на вершину Ключевского вулкана. С нами напросился молодой крепкий коренастый парнишка лет 17 Петя Иванов, но я дал бы ему все 20. Он родственник кого-то из вулканологов, да и проводником будет неплохим, т.к. уже ходил на вулкан. Апохончич расположен где-то на высоте 800 м над уровнем моря. С вершины же Ключевского вулкана, по юго-восточному склону, вниз до отметки 2700 м спускается лавовый поток. Вот нам и предстояло за день пройти расстояние, вроде бы небольшое в 13 км, но по набору высоты - почти два километра.

Стояла солнечная погода без сильного ветра. Идти в «тягун» нам с Петей было необременительно даже с рюкзаками, он молодой, я подготовленный занятиями лыжным спортом. Борису было тяжелее из-за возраста. А может быть, сразу взяли слишком высокий темп. Борис и Петя уже были на вершине Ключевского вулкана, новичком оказался я один. С перекурами добрались до лавового потока, разбили палатку. Рваться дальше не стали, нужна акклиматизация. С потока стекал ручеек от тающего снега со склона и даже образовал небольшой водопадик. День заканчивался на оптимистической ноте - облаков нет, даже на этой высоте ветер утих. Подготовили необходимое снаряжение для восхождения: запасные носки, очки, еду, фотоаппараты, палки со стальными наконечниками, плащи от непогоды.

Утро – повторение вчерашнего дня. Тихо, солнечно, довольно прохладно на высоте. По лавовому потоку пошли вверх. Нам предстоит подняться еще на два километра по высоте, но угол подъема будет гораздо круче: от 30 до 40 градусов. Вчера на подходе он составлял не более 10 градусов. Давно в этих местах не было длительных дождей, поэтому и снега на склоне нет. Очки не одеваем, потому что чернота лавы не отражает свет, глазам не больно. Нижняя часть лавового потока сложена из крупных камней, не связанных друг с другом, по которым карабкаться не особенно удобно. Надо было внимательно смотреть, чтоб нога не соскользнула, и обладатель ее не растянулся на острых камнях.

С первого привала, когда уже преодолели самое крутое место лавового потока, последний раз увидели палатку, наше пристанище, наш дом. Взгляд вверх и снова вперед, к нашей цели – вершине. Штычки палок постукивают по камням, находя опору в углублениях и трещинах. Камни становятся мельче, идти стало легче. Скорость подъема увеличилась. Но так, скорее, нам казалось, чем было на самом деле. В разговорах мне популярно объяснили, что при подъеме на высоту у человека возникает горная болезнь, «горняшка» в просторечии. С чем ее едят, мне предстояло испытать на себе. На Безымянке я ее не почувствовал, то ли из-за своей спортивной подготовленности, то ли из-за малой высоты вулкана, не превышающей 3000 м. Здесь мы уже перевалили за три с лишним километра. По бокам от гребня пошли снежники, да и в углублениях среди камней, вдали от яркого солнца прятался снежок, почти ледок. Надо было перекусить, что и сделали в местечке с хорошими камнями для отдыха. Над вершиной появилось белое облако газов. Надо торопиться, вопреки пословице: «Торопись медленно!».

Ближе к вершине появились первые признаки «горняшки» - слабость и головная боль. Стали чаще прикладываться к фляжке с водой, сдобренной лимонной кислотой. Борис, да и наш молодой коллега, испытывали такие же ощущения. Метров за 200 до вершины шли уже по сплошному

снежнику. Ноги в ботинках проваливались неглубоко, так что он не доставлял нам больших хлопот, кроме слепящего отсвета. Пришлось одеть очки, запотевающие от нашего прерывистого дыхания и создающие дополнительное неудобство. Из кратера слышится шипение, уханье, видны струи газов, поднимающиеся вертикально вверх. За 50м фирн пропал совсем, растаял от тепла, выделяющегося из шлака. Ноги вязнут в его влажной массе. Дыхание забивает смесь газов и воздуха, первые преобладают в этом коктейле. Сердце колотится, голова трещит, сил нет никаких. Вот она - горная болезнь, от которой страдают почти все горвосходители

в той или иной мере. Бегом (это в мыслях), а на деле чуть волоча ноги, стаскивая на ходу рюкзаки, бросаемся к кромке кратера.

Сегодня, глядя на свои снимки, вспоминая те действия на самом краю огромной глубины кратера, у меня волосы шевелятся, и перехватывает дыхание только от одной мысли: «Что могло быть, обвались часть его кромки, где скучившись втроем, заглядывали внутрь». Что это? Полная безрассудность, непонимание обстановки или необоснованная уверенность. Главное, мы сделали выводы. Только все это было потом, а пока продолжали делать глупости. Об этом ниже.

Насладились первым впечатлением, сделали снимки, осмотрелись. Кратер представляет собой огромную чашу с почти отвесными стенами. Как говорили вулканологи, диаметр ее верхней части 900 метров, глубина 600 метров. Сомневаться не приходилось, настолько она была огромна. Слева от нас возвышалась довольно мощная скала, преодолеть

которую можно было только с помощью альпинистского снаряжения, вправо было понижение в сторону Крестовского вулкана, через которое в дальнейшем изливалась лава. Над этим понижением на противоположной

стороне также стоял скальный обелиск. Мне не доводилось читать о людях, обошедших кратер кругом. И, если они были, то это были большие смельчаки.

Все эти рассуждения нас не касались, наше состояние было таково, что ни о каких походах вправо, влево речи идти не могло. Только спуск. Лежа на кромке, мы глядели вниз сквозь колеблющийся, от поднимающихся газов, воздух. Все же нам здорово повезло с погодой. Кратер открыт, виден весь. Оказалось, что и мои друзья тоже впервые видят чистый кратер. Пора было собираться вниз, что мы и сделали. Теория гласила: «горняшка» проходит при спуске вниз.

То, что сделал я в дальнейшем, объяснить только «горняшкой» невозможно. Спустившись до снежников, наш юный коллега решил спуститься на ногах по слегка оттаявшему снежнику. Проскочив метров 70-100, он остановился и пригласил меня

последовать его примеру, что я и сделал, не включая мыслей о последствиях. У него была хорошая практика, а я, впервые находясь на такой высоте и не обладая техникой спуска, сразу же завалился на спину и покатился вниз. Скажу сразу, что спасло меня его хладнокровие и очень грамотные действия. Он с ледорубом преградил мой путь скольжения, затем вывел на гребень, где уже стоял, все видевший и переживающий Борис. Слов не было, было осознание глупости, мною совершенной. Так гибнут люди «не за понюшку табака». Метров в 200-ах ниже этого места следовал обрыв в десятки метров. Для меня это был суровый урок на всю жизнь, связанную с горами. Таково было наше успешное восхождение на высочайший вулкан Азии, омраченное вышеописанным случаем, чуть не приведшим к трагическим последствиям. Если хоть один человек, читающий эти строки, задумается над своим поступком, ведущим в никуда, буду считать свою задачу выполненной

Желающих подняться на этот стратовулкан всегда было много. Он притягивает людей своей доступностью, лишь бы человек обладал здоровьем, желанием добиться своей цели и возможностями. Мне довелось совершить 6 попыток восхождения на вершину Ключевского вулкана. Три из них окончились неудачей, нам приходилось возвращаться не солоно хлебавши из лагерей, расположенных даже на высоте 4000 м, когда до вершины рукой подать. Расскажу о таком восхождении.

Восхождение «к юбилею»

Дело было в августе 1969 года. Мы с Борисом, моим бессменным товарищем по восхождениям, и другими друзьями по гарнизону сделали попытку подняться на Ключевскую сопку, но погода нам преподнесла такую пургу, что желание подняться мгновенно пропало. Снег опустился до 2000 м, стало очень холодно. Группа вернулась в гарнизон. Я был в своем последнем отпуске, за которым следовало увольнение из армии и отъезд домой на гражданку. Борис же собирался в отпуск на материк.

Совершенно неожиданно меня вызывают к начальнику гарнизона полковнику Карчевскому. Зачем? Я служу в другой части, нахожусь в отпуске. Но в армии не спрашивают, а выполняют приказ. Со свойственной ему прямоотой он представляет меня незнакомому, вызывающему симпатию майору, знакомит и спрашивает, не хочу ли я заменить Вежлева Бориса при восхождении на Ключевскую сопку. Отказаться, значит лишиться своего товарища выезда на материк. Этого я себе позволить не мог.

Так я оказался проводником группы военных туристов, которые прибыли с вышестоящей организации для восхождения на Ключевскую сопку и посещения Долины гейзеров. Командиром этой группы военнослужащих из 11 человек был майор Миша Маркушев, очень доброжелательный и контактный человек. За прохождение маршрута и безопасность восхождения ответственность возложили на меня.

Мы повторили путь до Апохончича на машине, пополнив багаж военных туристов не только приятными мыслями постоять на вершине Ключевского, но и тяготами трудной дороги. Не имея никакой акклиматизации, группа не очень охотно тронулась в гору. Погода в этот день была ходовой, зато ночевка на лавовом потоке с высотой в 2700 м оказалась снежной. Сразу возникли проблемы – часть группы ратовала за возвращение, часть за восхождение. Я не вмешивался, мое дело маршрут. Маркушев тоже не стал уговаривать и правильно сделал. В итоге группа уменьшилась до 8 человек. Четверо самостоятельно ушли по тропе на Апохончич. На следующий день мы добрались до высоты в 4000 м.

Группа имела прибор, определяющий высоту, хотя ошибка здесь присутствовала, т.к. давление стало падать. Вечер выдался изумительным – облачность застряла где-то на 2000 м, над нами только чернеющее небо. У всех хорошее настроение. Ночью настроение упало:

подул ветер и пошел снег. День лежали в палатках, снег продолжался. Опять ропот в команде, опять дележка на тех, кто вниз и на тех, кто вверх. В такой обстановке решили спуститься до высоты 2700 м на конец лавового потока. Спустились до площадки, где четверо заявили о штурме, а остальных я увел на Апохончич, т.к. в облачности они могли заблудиться. Снова поднявшись к палатке, увидел синь неба и солнце, хотя над Апохончичем висели тучи, и шел дождь. Наметили время выхода - 5 часов утра, подготовили штурмовое снаряжение в виде запасной одежды, еды и питья.

Группа стремилась попасть наверх любой ценой, оказывается еще и по политическим мотивам. Только здесь они открыли мне свой секрет. В преддверии 100-летнего юбилея нашего вождя и учителя, они хотели установить бюст Ленина на вершине вулкана. Вышли в 5 утра. Все окрест было в снегу, и поэтому уже с утра все шли в очках, оберегая глаза от

ожогов. Снег подмерз, и ноги в вибрамах выбирали места с выступающими камнями. Жесткий фирн не давал скользить ногам, но не смог удержать нечаянно упавшие солнцезащитные очки. Запасных ни у кого не оказалось, зато бинт нашелся. Хотел сделать из него повязку для глаз, но наш командир сказал, как приказал: «Тебе нужнее, ты наши глаза», отдавая свои очки мне. Так мы и шли - четверо в очках, один в повязке. Рядом с забинтованным командиром шла Рита, единственная девушка в нашей группе. Она имела первый разряд по альпинизму, и это была мощная поддержка для успешного восхождения. Мы были настроены подняться все, вся группа в полном составе, несмотря на досадное происшествие с очками. К середине дня вершину стало заволакивать газами. Это означало, что красот кратера мы можем не увидеть. Возвращаться не собирались, хотя «горняшка» появилась у всех членов группы, кроме меня. Почти месяц пребывания в горах давал свои результаты. От «горняшки» особенно страдал Миша, и забота о нем была нашей первостепенной задачей.

Из-за непогоды предвершинный шлак открылся от снега очень высоко, практически у самого кратера. Миша сидел, склонив голову на ледоруб. Никаких эмоций на восхождение, настолько его достала «горняшка».

Остальные в меру шевелились, устанавливая бюст около Миши, даже и не помышляя об установке его где-то в более красивом месте. Да и где это место было искать, когда с

кратера волнами накатывали удушливые газы, заставляя нас быстрее заканчивать официальную часть. Перед нажатием спуска фотоаппарата окликались: «Миша!». Он поднимал голову, затвор щелкал, его голова снова падала на руки, держащие ледоруб.

Кратер, забитый газами, нам так и не показался. Мы,

удовлетворенные достигнутым результатом, дружно спускались по своим же следам на снегу. И чем ниже спускались, тем более веселым становился наш командир Миша Маркушев. Все это соответствовало тому, что при спуске с высоты «горняшка» отстывает. А у палатки так он совсем отошел, всех обнимал, благодарил за поддержку и помощь. Вспоминаю эту группу как сплоченный коллектив единомышленников, нацеленный на достижение результата и получившего его. А руководителя группы – как настоящего офицера и благородного человека.

Этим восхождением заканчивается мой этап ближайшего знакомства с вулканами. Через неделю, завершив отпуск и службу, улетел домой на гражданку, не очень предполагая, что ностальгия по этим, уже ставшим родными местами, достанет меня там и заставит не один раз вновь собирать рюкзаки на Камчатку.

Камчатский отпуск - 72 г.

Связи наши с Борисом не прерывались, периодически информируя друг друга о своих делах. Я работал на заводе по ранее приобретенной специальности и уже закончил два курса вечернего института. У него продолжалась служба. Приглашение приехать в отпуск для походов по вулканам не прозвучало неожиданно. Мы к ним готовились всю зиму.

И вот она - душная июльская ночь. Серебристо вращаются лопасти винтов в свете неоновых и электрических ламп аэропорта Домодедово. Мощная, вжимающая тело в кресло, пробежка, и самолет в воздухе. Курс на восток. Камчатских пассажиров видно сразу по обилию нашивок на рубашках и особому шарму, непонятного для непосвященных. Под нами Москва, разноцветное море огней просвечивает сквозь выхлопы двигателей. Чем выше поднимается самолет, тем светлее становится небо. Зашедшее солнце продолжает окрашивать горизонт красно-оранжевым светом. Короткая будет у нас ночь сегодня. Стремительно несется лайнер навстречу заре, а еще стремительней надвигается новый день, день встречи с Камчаткой. Той самой, в воды которой летели монеты, символ нового свидания с ней. Оно близко, увесистый рюкзак в чреве самолета и гул моторов за бортом подтверждают это.

Красноярск нас встретил, умытый дождем. Небольшой отдых, пока самолет заправляли горючим, и снова пробиваем многослойные тучи, стремясь к солнцу. Вверху синь, переходящая в фиолетовый цвет. Обстановка в иллюминаторе меняется постоянно, земля то закрыта облаками, то видна на огромное расстояние. Тайга, разрезаемая реками и озерами, снежники в горах видны как на макете. Выходим к Охотскому морю. Облака кончаются, и внизу открывается синь моря, переходящая в синь неба, разделенная лишь дымкой на горизонте. Встретились несколько кораблей, белые буруны которых отчетливо видны на поверхности моря.

Последний час полета. Заметное оживление пассажиров. Женщины занимаются туалетом, детишки смотрят в иллюминаторы и визжат от удовольствия. Самолет несется над белой пеленой перистых облаков. Вот-вот он нырнет в них. Но нет, подошли к берегу Камчатки, пелена пропала, словно и не было ее. Под нами плоская, как стол, прибрежная часть западной Камчатки. А на горизонте показался один из многочисленных красавцев – вулканов, гордо возвышаясь над остальными горами. Снижаемся. Несколько кругов над Авачинской бухтой и самолет бежит по камчатской земле.

Ночевка в аэропорту, к которой мне не привыкать. За время службы неоднократно приходилось летать на лыжные соревнования и много раз ночевать здесь из-за задержек рейсов. Нас всегда восхищал пол с подогревом. Поэтому проблем с поиском мест для ночлега

мы никогда не испытывали. Шинель снизу, шинель сверху в уголке, кулак под голову и спи, солдат. День начинается хмуро. Задержка всех рейсов. А в городе туман, сквозь который бегут машины, торопятся люди. Иду по знакомым улицам и не узнаю их. Город растет. На 6-ом километре, где в годы службы проходили областные соревнования по лыжам, вырос новый микрорайон из пятиэтажных домов. Дом заселяется, а во дворе его уже рушат отслужившие «засыпушки». Возвращение в аэропорт радости не принесло. Задержки, задержки, задержки и так 5 суток.

На аэродроме в Ключах меня встречает Борис. Сразу же после объятий, вопросы об обстановке в горах и подготовке к выезду на вулканы. Остаток дня проходит в сборах и скоротечных встречах со знакомыми и друзьями. Гарнизон закрыт для меня, хотя в течение 5 лет службы он был родным домом. Сейчас я отрезанный ломоть – «се ля ви».

Ночую в доме Козевых Севы и Люды в п. Ключи. Их жилище - своеобразный музей. Здесь собраны все образцы лавы, какие встречаются на вулканах Камчатки. Из мягкой пемзы Шивелуча изготовлены подсвечники, пепельница, миниатюрный камин. Стены украшают изделия из оленьих шкур: малахай, рукавицы. Здесь же поплавок с куском капроновой веревки. Коллекция оружия матово поблескивает за стеклом. Лук, тетиву которого я так и не смог натянуть до конца, приютился рядом в углу. На одной из стен от пола до потолка - полки с книгами. Книги и сугубо специальные, и художественные. Свободное место было только на полу, и я не страдал предрассудками. После всех мытарств с ожиданием и перелетом спал без снов.

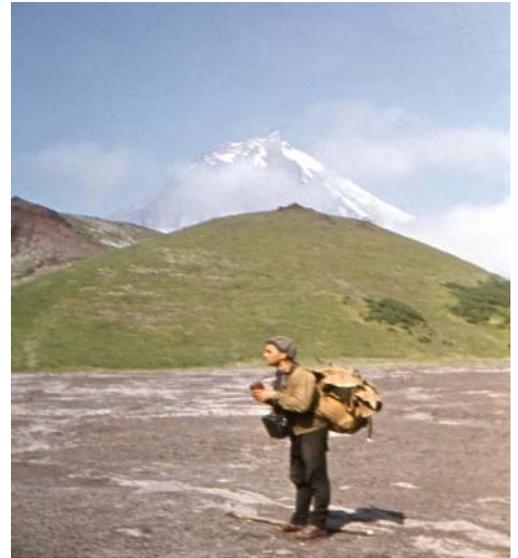
Сева - москвич, на Камчатке с 1966 года. Каждое лето в поле на действующих вулканах. Пару дней назад прибыл с Шивелуча, его жена Люда прилетела сегодня. Завтра вертолет снова унесет их за добрую сотню километров от дома. Мы также выезжаем завтра машиной на Апохончич.

Через 6 часов езды на ГАЗ-69 по разбитой и размытой горными речками местности, с выступающими камнями по так называемой дорожке до Апохончича, где встретили своих друзей Севу и Люду. Их вертолет не пробился к своей цели - Толбачику и высадил здесь. Такое бывает здесь из-за непогоды частенько. Пока суть, да дело, наступил вечер, а с ним пропала вся облачность, открывая вершины вулканов, поблескивающих ледниками и снежниками.

Эксплозивный кратер Безымянного

«Есть Бог на свете!» - воскликнули мы утром. На то были веские основания, над нами синь неба. Только в стороне Толбачика клубились облака. В лагерь под Безымянным собирался выйти вьючный караван вулканологов, предложивших нам подбросить наши грузы.

Быстренько собрались, оставили самую тяжелую часть рюкзаков им, закинув полупустые рюкзаки на плечи, бодро взбивая «вибрамами» вулканический песок, тронулись в путь. Не желая отпускать свой «паек», следом за нами вился рой комаров. Через три часа пути достигли реки Сухая Хапица. Большая часть речек высокогорья Ключевской группы сухие. Они наполняются только тогда, когда под солнцем начинает таять снег на склонах вулканов. Тут не зевай, скорость набухания воды в речках растет на глазах. Не успел перейти речку, так и останешься ночевать наэтом берегу. Жди следующего окна перехода. Река Сухая Хапица берет свое начало от горных ручьев с перевала между вулканами Камень и Ключевской.

Вода к середине дня от стаявшего снега устремляется вниз, набухая на глазах. В два часа дня ее уже трудно перейти, не рискуя быть сбитым потоком и ворочающимися по дну валунами. Мы перешли благополучно и сделали привал на другом берегу. Река промыла себе русло с отвесными берегами глубиной до 20 метров. Сделать это ей было не трудно, т.к. вулканический пепел и шлак -легковывываемые фракции. Пока обедали, ручей превратился в грохочущий камнями черный поток. И снова под ногами песок и камни. Солнце исчезло за тучами, затянувшими вулканы и подбирающимися ужек нам. Как будто и не было великолепия утра. Борис знает расположение палаток вулканологов, и мы идем к ним. Вот так просто вышел и пришел, забывая о том, что находишься на Камчатке. А она напомнила о себе, своим существовании испытанным оружием – непогодой.

Часам к 8 вечера, соединившиеся волглыетучи и низовой туманокутали нас своей пеленой. Идем как слепые котятка. Борис не вспоминает о том, что знает расположение палаток, я тоже не давлю ему на психику. Мы в равном положении. Даем пару сигнальных ракет в надежде, что нас услышат. Как в пустыне. Белеющее светлое пятно выводит нас к трем палаткам без признаков жизни людей. От одной из них тянутся провода в разные стороны к сейсмодатчикам. Хозяев не дождались и улеглись спать под неумолчный грохот камнепадов вулкана Безымянный. Утром, сквозь сетку дождя и редующий туман, заметили еще палатки километрах в трех от нас. У палаток два парня Саша и Валера. Саша, студент Новосибирского университета, стряпал лепешки. Валера, рабочий, орудовал у костра со сковородкой. После знакомства угостили нас мясным супом со свежееиспеченными лепешками. Мы обрадовали их известием о приходе каравана с продуктами и дровами. Но в сеанс связи все мы были жестоко разочарованы. Караван еще даже и не вышел.

Сегодня 1 августа. Две недели моего отпуска позади, а итогего...плачевный. Следующая пара дней сидения в палатке, при дефиците продуктов и непрерывном дожде завершается приходом каравана. «Лишь погода, лишь погода виновата в том, что вовремя не прибыл...караван!» Да и мы с Борисом хороши, понадеялись на других, аведьзналипословицу: «Идешь на день, бери на неделю». Выяснилась еще неприятность, караван не привезнаши вещи, и Борисс Валерой уехали на двух лошадях за оставленным грузом. День обещал быть без дождя и мы, с прибывшим вновь вулканологом Виктором Ильичом Андреевым, полезли на гриву эксплозивного кратера Безымянного. Сидим с Ильичом на остром краю кратера.

Сзади склон, по которому забрались, градусов под 40, впереди пропасть метров под 100. За четыре года, прошедшие с нашегоБорисом памятного восхождения на купол, многое изменилось. Купол вырос, усилилась его активность и повторение того «подвига», даже при большом желании, уже невозможно. С вершины купола постоянно валятся камни во все

стороны, вызывающие сходы лавин. В различных местах купола к небу поднимаются струи газа. С шипением вырываются они из фумарол. Горловины фумарол и камни вокруг

окрашены в желто-красный цвет. По ночам в хорошую погоду сквозь дым видно зарево, отмечают вулканологи. Камни летят то с конуса, то со стенок кратера и с пушечным грохотом разлетаются вниз.

Ильич с профессиональной точностью фиксирует в блокноте то, что его интересует. Я смотрю на вулкан через глазок видоискателя фотоаппарата. Разговор только о вулканах: происхождение, настоящее, будущее их и польза

человеку. Богатые впечатлениями от восхождения, снова уже под дождем, возвращаемся в палатки. Встречаем Бориса с Валерой, вернувшихся с Апохончича. Все в сборе.

Сопка Овальная Зимина.

Борис будит меня в 6 утра возгласом: «Коля, погода!» Полощемся в озерце от дождей, завтракаем холодной кашей и с ледорубами под мышкой лезем в гору. Вулканологи еще спят, одни любопытные тарбаганы (суслики), высунув мордочки из нор, провожают нас свистом. Лезем на сопку Овальная Зимина - потухший вулкан высотой 3081 метр. Вершина покрыта ледниками и снегом, из-за чего выглядит довольно грозно. Мы тащим с собой веревку, кошки и ледорубы, привезенные вчера Борисом. Опыта хождения по ледникам со снаряжением у нас нет, есть только теория, которую и будем осваивать на восхождении. В районе 2000 м нас обложило облачностью с видимостью не более 30-50 м. Остановились, ожидая ее рассеивания, сварили обед. Не дождавшись улучшения погоды, пособирали сувениры из лавы и спустились назад. «Торжества» решили отложить на потом.

Уже 7 августа, время отпуска бежит неумолимо. Начало ничем не отличалось от вчерашнего подъема. Идем ходко, останавливаясь только для коротких съемок. Чем выше поднимаемся, тем шире становится горизонт. За первой облачностью останавливаемся надолго, благо объектов съемки хватает. Идти по лаве из крупных глыб легко, не то, что по осыпи «шаг вперед, два назад». Облака то окутывают нас словно ватой, то рассеиваются. Мы вышли на лавовый гребень, который ведет к вершине. По нему можно идти и в облаках, не собьемся. А они и не заставили себя долго ждать. Стало промозгло, но отступить уже поздно, до вершины рукой подать. Начался лед, покрытый фирновым снегом. Из-за постоянной непогоды и дождей граница кромки снега опустилась низко. Надели кошки на ботинки, связались веревкой. Склон крутой, некоторые участки градусов за 45. Идем со страховкой. Впереди круто и скала, слева пропасть, справа трещины, прикрытые снегом. Совсем как в сказке: направо пойдешь, налево пойдешь ... Решили прямо, а оказалось тоже через трещину.

Из всех зол выбрали одну трещину. Боря решил заглянуть, прежде чем лезть через нее. Определил глубину в шесть метров. Он шел первым, я страховал его. Ползком по снежному мостику Борис добрался до скалы. Потом он страховал, я, в свою очередь, испытывал прочность этого мостика. Неприятное ощущение испытываешь, когда не видишь опасности,

но она подстерегает тебя. За скалой подъем, который мы посчитали сначала вершиной, так как в облачности ничего не было видно. Нас смутило отсутствие тура - небольшого сооружения из камней на покоренных вершинах. Решили пройти дальше. Ноги начали мерзнуть, ботинки промокли от влажного снега. В иных местах проваливаемся по пояс, но желание достичь вершины после всех мытарств преодолевает все. Медленный подъем резко переходит в крутой снежно-ледовый склон. Еще метров 100 высоты и после мутной облачности нам в глаза бьет солнце и синь неба. Мы на вершине. Сравнивая, впоследствии, восхождения на Ключевскую сопку и сопку Овальная Зимина, прихожу к мысли, что это восхождение по драматизму событий и зрелищности превосходит подъемы на Ключевскую сопку. И только осознание высоты стратовулкана отдает ему пальму первенства.

С первым шагом по вершине облака словно сдались перед нами, отступая, они открывали одну вершину за другой. Темно-синегоня ярко смотрело солнце на этих «букашек», посмеявшихся вторгнуться в тишину и незыблемость гор. Настолько мы были малы и ничтожны, по

сравнению с великанами, нас окружающими. Мы были вознаграждены вполне за те переживания, задержки, непогоду, за всё наше предыдущее невезение. В то же время, поднимись мы раньше, увидели бы снег, да свои обросшие рожицы. Удача, та золотая середина, которая бывает в нужном месте, в нужный час.

Столь резкий переход от рассеянной мглы к солнцу вызвал огромный прилив эмоций. Мы забыли о мокрых ногах, трещинах, опасностях подъема и спуска, времени и возвращении назад. Сейчас мы были победителями вершины, погоды и прежде всего - самих себя. Под нами

со всех сторон расстилось белое море облаков. Лишь сторожевыми вышками пробивали их конусы вулканов. Несмотря ни на какие изменения погоды, спокойно курились вершины Ключевского и Безымянного, серебряными шапками ледников блестели другие. Так и возникало желание сорваться и лететь среди вершин над этим морем облаков.

Время летело незаметно за работой с фото- и киноаппаратурой. Пытались найти записку, но под толстым слоем снега не нашли даже тура. На чистом от снега южном склоне, метрах в 10 от вершины сложили свой небольшой тур. Написали записку для тех, кто делает восхождения в спортивных целях. Кратко указали, по какому склону поднимались, кто, откуда и когда. Подъем у нас занял около 10 часов, это больше, чем подъем на Ключевскую сопку. А ведь та выше на 1700 метров.

Обратно по натоптанной борозде до трещины скатились быстро. Преодолевали ее снова в облачности. Далее спуск был делом времени, а вот его-то уже и не хватало. К палаткам подходили в одиннадцатом часу вечера в тумане. И лишь ракеты, поданные беспокоящимися вулканологами, вывели нас к ним. 16-тичасовое восхождение окончено. Люда Козева накормила нас ужином. До поздней ночи сушились мы у костра и наперебой делились событиями и впечатлениями восхождения. Только во втором часу ночи уснули спокойным сном победителей.

Снова Безымянный, снова Фешин

По пути на Апохончич решаем заглянуть к вулканологам, ведущим наблюдение за вулканом Безымянным. Их домик расположен на крыле эксплозивного кратера, под самым, вновь растущим, куполом на высоте 2200-2400 метров. Мы не стали тащить наверх с собой громоздкие рюкзаки, а, взяв фотоаппараты, налегке добрались до домика. Хотелось ночью отснять свечение и падение огненных лавин. От рассказов вулканологов, на этот счет, у нас «текли слюнки». Встретили приветливо. Вулканологи, работающие месяцами на точках, обделенные общением и вниманием, всегда рады новым людям. А тех, кого считают друзьями, тем более. Как будто и не было четырех промелькнувших лет. Знакомились с Фешиным в этом домике и снова общаемся здесь через 4 года. За беседой долго тянулся ужин. Вспоминали прошедшие годы, извержения вулканов. Съемка, на которую мы так рассчитывали, не получилась, вулкан закрыт облачностью. Но каждую минуту было слышно, как сходят каменные лавины. Звук падения напоминает проход поезда по стрелкам, только немного глуше.

Фешин рассказал нам, как они с приехавшей группой ходили к куполу. «Только подошли, рассказывает он, начались камнепады. За 20 минут, что они отбирали образцы и свежий пепел, не раз приходилось прятаться за камни. Возвращались обратно перебежками, тоже прячась за первый подвернувшийся камень. Никто не успевал увидеть, куда летят камни лавины. Когда уже считали себя в безопасности, камешек тонны в три весом, едва не поставил точку в их вылазке, пролетев буквально рядом с ними. После спуска, он говорил, закурили те, кто даже в рот табака не брал. Слушая такой рассказ, поневоле проникаешься чувством симпатии и уважения к людям этой мужественной профессии.

Вершина восхождений

С Апохончича снова начинаем восхождение на гиганта вулканов - Ключевскую. Побывав среди камчатских вулканов, грешно не побывать еще раз на самом величественном из них, взметнувшемся почти на 5000 метров. Опять трясем рюкзаки на предмет их облегчения, готовим фото- и киноаппаратуру. Завтра предстоит начать путь на вершину.

Проснулись в 5 утра, за окном белесый туман. Поднимающееся солнце пока не в состоянии высушить эту массу. Первые километры идем вдоль лавы кратера Апохончич. На песке нет ни единого следа. Нынче мы первые прокладываем этот путь. Нас часто спрашивали: «Вы уже

там были, зачем же еще идете?» Да, возможно, вопрос и резонный. Отвечу так. Надо побывать на Камчатке, посмотреть на вулканы, а желание влезть на них придет само собой. Борис писал мне, его не надо уговаривать лезть на вулканы. Надо было видеть его счастливое лицо на вершине сопки Овальная Зимица, чтоб понять его состояние в горах. Желание увидеть, узнать что-то новое должно быть в каждом человеке. Это стимул жизни, нет его, нет и жизни.

А пока, накрывшись полиэтиленовой пленкой от капель крупной изморози, мы ползем вверх по склону, сгибаясь под тяжестью рюкзаков. Ориентируемся лишь по одним нам известным признакам. Остановившись на обед, с ужасом обнаружили сломанную иглу в керогазе. Пытливая мысль, попавших в безвыходное положение людей, подсказала выход. Проволочка от тросика кинокамеры заменила иглу. И вот уже в котелке забулькала вода для наваристого супа. Мы должны выйти к концу вершинного лавового потока, заканчивающегося на высоте 2700 метров. Пробиваем нижнюю облачность, вторая располагается выше Ключевской. Лава прямо перед нами в получасе ходьбы. Еще через час устраиваем ночевку на лаве рядом с журчащим ручейком. В палатке тепло от гудящего керогаза. Сохнет и одежда. Черпая из котелка манную кашу, мы как-то выпустили из памяти известную песню о ней, до того вкусной оказалась. Уснули мгновенно.

Боря – будильник, высунув голову из палатки, докладывает: «Снег идет!» Завтрак откладывается, как и выход. К вечеру всю хмарь разогнало, облачность опустилась вниз до

2000 метров. Завтра шторм. То ли от пересыпа, то ли от волнения встали в 4 часа утра и, как только стали видны камни, тронулись вверх. Вершина чистая, дует небольшой ветерок, морозно. Следом за нами торопится облачность, нагреваемая солнцем. Кто быстрее достигнет вершины? Мы ей помешать не сможем, она же нам навредит сильно. В районе 4000 м Борис жалуется на головную боль – «горняшка». Но ведь акклиматизация была достаточной, видимо сказывается возраст или взяли темп высокий. Списываем это на ранний подъем, что тоже может быть причиной. Ноги двигаются как в замедленной киносъемке, быстрее идти нельзя, дыхание сразу учащается, а сердце готово выскочить из груди и убежать вниз от непосильной нагрузки.

Пальма первенства в покорении вершины в этом восхождении принадлежит все же облакам. Они накрыли вершину и нас своим белым крылом. Вступили на фумарольное поле, чистое от снега. Газы, выделяющиеся из недр вулкана, смешиваются с облаками, забивают нам дыхание, заставляя чихать и кашлять. До вершины рукой дотянуться, ноги делают последние шаги, и мы снова на самом вершине величественного вулкана. Там, куда обращены взоры миллионов людей, там, где мечтают побывать сотни тысяч и там, где реально были считанные тысячи. У Бориса это пятая успешная вершина Ключевского вулкана. У меня третья. Бог троицу любит, шучу я.

Из жерла слышатся звуки, напоминающие смесь звука спускаемого пара со вздохом гигантского животного. Начинается с низких нот, достигает апогея и затихает. Это что-то новое в жизни вулкана. Вулканологи на сейсмостанциях также отмечают усиление микроземлетрясений. По одной из теорий, разработанных камчатскими вулканологами во

главе с П. И. Токаревым, извержению предшествует усиление сейсмической активности, восходящей по параболе. Вершина параболы соответствует извержению. Так было предсказано катастрофическое извержение вулкана Шивелуч в 1964 году, которое и нам довелось увидеть собственными глазами.

Снизу волнами поднимаются снежные заряды, с другой стороны - химические продукты заставляют надрываться от кашля. Разинутую пасть кратера заволкло газами. Оттуда, как из гигантской паровозной трубы рвутся вверх их струи. Наглотавшись вдоволь

этой смеси, нам расхотелось обедать, хотя перед спуском силы следовало бы восстановить. Взяли образцы бомб, сделали несколько снимков. Больше в этом аду сделать было нечего, и мы приступили к спуску. Спуск представляет не менее трудную задачу, чем подъем. Кажется, все трудности позади, и вот в этом состоянии восходителя подстерегает коварная неожиданность. Ступив на лаву, сложенную из отдельных камней ничем не связанных между собой, надо быть очень внимательным. Ногу ставить с большой осторожностью, чтоб избежать падения и травмы. Палатка, сиротливо приютившаяся к крупным камням лавы, поседела от снега, с веревок свисали сосульки. Да и мы сами были не лучше. Штормовые костюмы мокрые, местами оледенели, ноги от непрерывного многочасового напряжения гудят. Старый верный керогазик обогрел и нас, и палатку. Внутри температура Ташкента.

Через два часа сборы и вниз - к Апохончичу. Влажный снег переходит в дождь. Для нас это уже не существенно, внизу высушимся и обогреемся. В спешке проскочили знакомые ориентиры - кратеры Стеллера и Апохончич. Лишь рассеявшийся туман позволил выйти к базе. Попали как нельзя лучше, на Апохончиче банный день. После холодного дождя приятно было расправить онемевшие и окоченевшие руки, ноги в жаркой парилке.

Покорителей самой высокой вершины мира Эвереста - восходителей Тенцинга и Хилари после спуска журналисты спросили, кто из них первым ступил на вершину. С нами этого не произошло по простой причине – не было журналистов.

Сытный ужин, приготовленный нашим заботливым Кузьмой Сергеевичем, и 50 грамм спирта в честь восхождения, были уже тем пределом, за которым мы спали.

«Легкая гора», Толбачик

Довольно быстрый по времени подъем на Ключевскую сопку оставил нам время для еще одного интересного маршрута - подъема на вулкан Плоский Толбачик. Снова меряем километры в тумане и дожде. Ночевку делаем в оставленной вулканологами стационарной палатке на Плотине - месте, где лавы двух вулканов перегородили долину. В палатке есть печка и небольшой запас дров. Сварили ужин, обсушились и, уютно завернувшись в спальные мешки, уснули. В три часа ночи я проснулся от кошмарного сна. Действительность мало чем отличалась от него: по всей палатке летали огненные искры, ядовитый дым лавиной растекался из распахнутой печки, палатку рвал штормовой ветер. Мой, отнюдь не ласковый толчок и крик «горим» заставил Бориса очнуться. Общими усилиями быстро справились с этим «стихийным» бедствием. Ветер не стихает. Палатка и тент держатся чудом. Провели совещание. Выступление Бориса было кратким, дороги он не знает, но горшки, ведь, не боги обжигают. Полтора часа пути привели нас в сплошной туман, из которого шквалистым ветром швыряло нам в бороды сплошной снежной крупой. Еще два с половиной часа плутали с компасом в руке, отыскивая путь назад. Мокрые и голодные вернулись в палатку.

Утром заметили лошадиный караван,двигающийся в нашу сторону. Оказалось, вулканологи тоже идут на Толбачик. Что ж вместе идти веселее, к тому же нашлось место для наших рюкзаков, от которых мы с большим удовольствием избавились. Прошли перевалы Безымянный, Толбачинский, Толуд и вышли в долину. Здесь,

как нам показалось, намного теплее, богаче растительность и даже туч меньше. Меня поразили сухие речки, через которые мы пробирались вместе с лошадьми. Но о них чуть позже. По пути собираем грибы и, оказалось, зря старались, так как около домика их тьматмущая. Вечером мы с большим удовольствием уплетали жареные грибы с картошкой.

Вышли с Борисом на Толбачик рано утром. По его словам – «самая легкая гора», в смысле подъема не нее. И точно, уклоны от 10 до 30 градусов, с короткими подъемами до 45.

Добрались до высоты 2000 метров, и здесь ветер, ледящий кровь и мокрые ноги, быстро выбил из нас желание двигаться дальше вверх. Ботинки, насквозь промокшие от росы, с «железным звоном» потопали вниз, похоронив наши надежды на восхождение. Вот тебе и «легкая гора»!

А у домика стоит трудяга МИ-4, и из него вулканологи таскают доски. Винт закрутился, вертолет исчез, а с ним исчез и Валентин Фешин, оставивший на нашу совесть 3 лошадей и жеребенка. Все равно идут на Апохончич, так пусть отработают часть хлеба вулканологов, видимо так он рассуждал о нас. Мы не возражали против такого расклада,

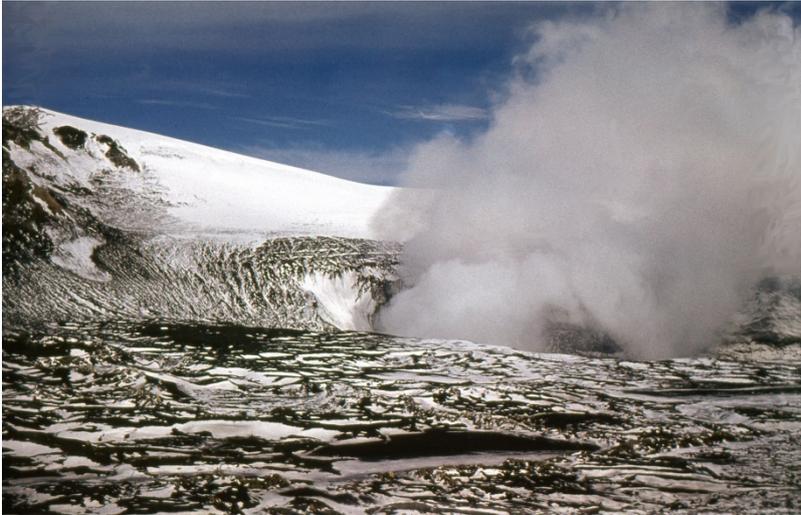

удовольствие тащить тяжелые рюкзаки мы имели много раз. Тем более что после каждого восхождения, они становились все более тяжелыми от сувениров. Вечером опять пошли за грибами. Впечатление от сбора осталось такое, будто мы вышли в огород нарвать луку, два, три шага и ведро полное – настолько их много, в основном маслят.

Исходя из печального опыта прошлого дня, обмотали ботинки полиэтиленовой пленкой. Получилось очень хорошо, ноги остались сухими, хотя росы было снова предостаточно. С утра день начинается прекрасно, солнечно и тихо. Лучи восходящего солнца освещают снежные вершины вулканов: Острого Толбачика, Овальной Зимина, Удиной. Тишина нарушается лишь журчанием ранних ручьев, нашим дыханием, да стуком штычков ледорубов о камни. Лавы вулкана Плоский Толбачик отличаются особой пластичностью и разнообразием цветов. Образцы настолько красивы, что хочется набить ими свой рюкзак. Останавливает лишь объем рюкзака. К обеду вышли к кратеру. Это кальдера, набитая льдом. В ней жерло в виде овала, из которого поднимаются газы. Решаем сначала сходить на вершину, а затем снова спуститься к жерлу. На вершине собираем разрушенный тур, оставляем записку, фотографируемся и спускаемся в кальдеру.

Ближе к жерлу кратера подходы освобождены ото льда. Шлак теплый и «курится» от выделяющихся газов. Размер овала жерла примерно 200 на 100 метров, с глубиной до 70 метров. Стенки круто падают вниз. С трех сторон жерло окаймляет ледник толщиной от 5 до 10 метров. Светло-синеватый лед никак не может сдавить это горло вулкана. Из жерла, колеблемые ветром, тянутся вверх белые струи газов. На дне, когда газы уходят в сторону проглядывается пещера, где и находятся фумаролы. Она красиво окрашена в красный, желтый

и зеленые цвета. В прошлом году, рассказывали вулканологи, в этой пещере даже днем был виден огонь, а ночью целое зрелище.

Пять часов провели мы на вулкане. Погода, в отличие от прежних восхождений, предоставила нам право распоряжаться временем по своему усмотрению. А мы и распорядились им вдоволь, щелкая затворами фотоаппаратов, водая объективами киноаппаратов в поисках уникального ракурса.

Мы с Борисом перерыли много шлака около жерла в поисках кристаллолапилли и «волос Пеле». Кристаллолапилли представляют собой шарообразные сростки кристаллов плагиоклаза размером до 5 см. Самый большой, из найденных нами, был в 4 см. Выглядят они красиво, перекрещивающиеся белые пластины толщиной до 3 мм. Образуются в лавовом озере вулкана Плоский Толбачик и при извержении выбрасываются на поверхность. Это один из самых ценных и запоминающихся подарков друзьям о вулканах Камчатки.

Пеле - богиня огня у древних гавайцев. Стекловидные нити вулкана Плоский Толбачик из-за сходства лав назвали «волосами Пеле». Вулканическое стекло под напором газов и ветра из фонтанирующих брызг вытягивается в стремительном полете в нити и застывает. Нити, диаметром до 1 мм, имеют серовато-зеленоватый оттенок и очень хрупки. Вулкан Плоский Толбачик относится к типу вулканов с жидкими лавами. Скорость перемещения лавы при извержениях огромна. Застывшие жидкие потоки образуют причудливые формы. При самом небольшом воображении можно увидеть на них целый зверинец, от пичужки до медведя.

На прощание вулкан поблагодарил нас за свидание с ним подарком красивейшего зрелища. Перед началом спуска за спиной что-то ухнуло, и нашим изумленным глазам предстал восходящий вверх коричневатого-красный гриб пепловой тучи. Руки судорожно хватаются за фотоаппараты, но снимать было уже нечем, и нам оставалось запечатлеть

это только в глазах и своей памяти. Снег на леднике покрылся коричневым налетом пепла. Возбужденные только что увиденным зрелищем, нагруженные образцами лавы и кристаллолапилли, делясь впечатлениями на ходу, спускаемся вниз. Усталость наваливается позже, когда после тринадцатичасового похода, возвращаемся к домику. Но долго еще память возвращает детали похода и прощальный «салют» вулкана.

Идем на Апохончич. Все восхождения закончены, отпуска на исходе, и это наш последний конно-пеший переход. Борис ведет двух связанных между собой кобылиц, мне же достался жеребец по имени Уголек. Вроде всем хорош конь, под седлом спокоен и послушен, но как доходит до оврагов и речек, так беда. Боится он их до крайности. Весь арсенал уговоров и ласки не помогает, страх стоит в его глазах, даже больно смотреть. Через силу, с помощью хлыста, он перескакивает через препятствие и становится снова прекрасным напарником с добрыми и веселыми глазами до следующей речки.

О речках надо сказать особо. Со склонов Толбачика стекает их огромное количество. От самых узких - до рек, шириной в полторы сотни метров. Воды в подавляющем большинстве нет, в остальных, как и во всех сухих, появляется лишь во второй половине дня. Русла рек забиты до отказа валунами и галькой. Посреди зеленой местности и холмов замерли эти белокаменные нити. Глядишь на них и ощущение, что через какое-то мгновение, что вот еще секунда, и они сорвутся с места и потекут, загрохочут – такая в них таится сила. На склоне Толбачика у домика вулканологов мы наблюдали за тем, как оживают сухие речки. Вода от тающих ледников и снежников устремляется вниз. Журча и ласково обнимая гладкие, ею же облизанные валуны, она заполняет все впадины. И, заполнив ямы, снова бежит вниз, взмахнув на прощание белым, разбитым о камни гребнем.

Ближе к Апохончичу стал слышен гул, исходящий от Ключевского вулкана. За последнюю неделю, прошедшую с восхождения, он усилился. Взрывы стали чаще. Через пятнадцать часов, уже совсем в темноте, мы перебрались через последнюю сухую речку у

порога Апохончича. Здесь наш друг и товарищ Киришев Кузьма Сергеевич через усилитель приветствовал, как он выразился, покорителей камчатских вершин и укротителей местных «мустангов».

Прощание

Яркий солнечный день. День отъезда, день приезда – один день. Если исходить из этой формулы, то выходит, что за время нашего пребывания здесь был один полностью солнечный день. Не густо. Перебираем свои сувениры, добытые потом. Особенно привередлив я, мне проходить весовой контроль. У Бориса сувениры расхватывают, как только он вернется домой. Ждем вертолет вулканологов. А вот и он. Пятнадцать минут полета, и вертолет пронесется над Ключевской вулканстанцией, предупреждая о своем прилете. Колеса касаются земли, мы с Борисом, после трехнедельного скитания по камчатским вулканам, сходим на твердую землю. Вечером небольшой прощальный ужин в кругу семьи Козевых, вернувшихся чуть ранее нас. Звучали песни под аккомпанемент гитары Бориса, мы рассказывали о своих походах и приключениях, Сева с Людой об исследовании вулканов.

Быстро пролетел этот месяц, месяц пребывания в краю вулканов. Обостренное чувство расставания лежит на сердце, хотя память хранит тепло рук друзей, рюкзак набит отснятыми фото и киноплёнками, а также сувенирами вулканического происхождения. Последние шаги по бетону аэродрома, прощальный взгляд на «домашний» вулкан Авачу и я уже в салоне могучего ИЛ-18.

После проверки строгими пограничниками документов и возни с привязными ремнями возникает мысль, что в сущности-то мы уже отрезаны от камчатской земли, хотя лопасти винтов самолета только начинают вращаться. Разбег, и картина месячной давности начинает раскручиваться в обратную сторону. Через полчаса под крыло самолета уходит последний кусочек земли камчатской. Мы над Охотским морем. Пассажиры через иллюминатор провожают взглядом уплывающую землю. И, вероятно, не я один шептал про себя:

«Прощай, Камчатка! До скорой встречи, Камчатка!»

Боковой прорыв Ключевской - 74 г.

Телеграмма от Бориса была краткой: «Боковой прорыв на Ключевской. Приезжай!» Хорошо сказать приезжай, а как это сделать. Если прОпуска на Камчатку нет, отпуск отгулян в горах Кавказа, дело к зиме... В таких случаях говорят, не хочешь, ищи оправдания. Но знают же люди куда давить, какие кнопочки в душе моей нажимать.

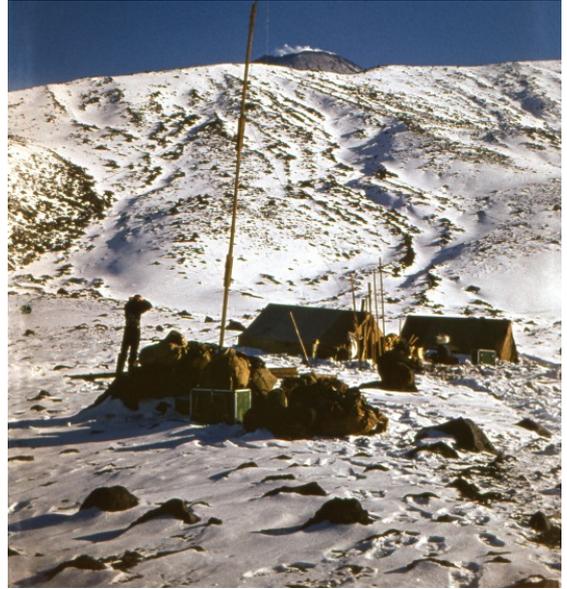
И прОпуск появился, и отгулы накопил, и билет купил, и зиму «перенес» на пару недель. Очень оперативно, с большой долей удачи и везения я оказался на вулканстанции в Ключах. Но уже моего друга Бориса Вежлева я не застал. Он по замене уехал на материк. Встреча с Валентином Фешиним оказалась решающей во всей этой истории. Наше давнишнее знакомство, отсутствие толпы желающих улететь на извержение, просто случай и его ходатайство сыграли свою роль. Мне дали жесткий срок подготовки к вылету. Одежда моя не соответствовала той погоде в горах, где извергался вулкан. Помогли друзья-летуны из той части, где я служил сам. И вот уже на аэродроме с группой гляциологов загружаем груз: доски для каркаса палатки, саму палатку, приборы и наши вещи. Летим.

Прорыв увидел первый раз, еще когда летел из г. Петропавловска-Камчатского в п. Ключи. Прорыв образовался на юго-западном склоне Ключевской сопки на высоте 3600 метров. Разглядеть что либо, тогда не удалось. Трасса пассажирских авиалиний пролегала в стороне от извержения. Наш вертолет маленькой стрекозой на фоне громадной Ключевской сопки пролетает перевал и глазам открывается картина извержения.

Выброшенный пепел осел на склонах окружающих вулканов.

Над ледником поднимаются струи пара, лава отвоевывает себе жизненное пространство за счет ледника. Нижний конус изливает поток лавы, который противоборствует с вечными льдами. Потоки воды текут по леднику, прорезая его. Лихорадочно снимаю, второго раза запечатлеть такое событие с воздуха, скорее всего не будет.

Вертолет делает два круга и приземляется на гребне старого лавового потока. Едва выкинули грузы и снаряжение, как вертолет тут же поднялся в воздух. Нырнул в пропасть, набрал скорость, высоту и исчез. Мы в самом нижнем лагере на высоте 2100 метров. Здесь стоят две палатки: в одной приборы, в другой живут вулканологи под руководством Дубика Юрия Михайловича. Их четверо, в палатке печка- оазис посреди снежной горной пустыни.

Гляциологи, под руководством Владимира Николаевича Виноградова и я ставим палатку. Собираем каркас из досок, натягиваем брезент, крепим камнями веревки, удерживающие эту конструкцию от возможных ветров, засовываем свое снаряжение внутрь. Начался снег, который валил всю вторую половину дня, засыпая тропу, по которой можно было подойти к извержению. Его не видно, мы в котловине. Сна долго не было. Мысли крутились вокруг того, сумею ли попасть на само извержение. Как в то короткое время, что у меня есть, выполнить все задуманное. К вечеру небо очистилось, ветер утих, стало слышно уханье вулкана.

Утром собрались в разведку всей компанией. Четыре вулканолога, три гляциолога и отдельно взятый турист. Второй (холодный) лагерь разбит на высоте 2600 метров. Собственно это промежуточная палатка. Сам лагерь разбит на другой стороне ледника. Там есть печка, рация, продукты. И уже оттуда можно выходить к прорыву. Попытки перейти ледник от холодной палатки к успеху не привели. Ледник изобиловал трещинами, а посреди его образовался каньон, промытый водой выше растопленного ледника.

От холодной палатки уже хорошо просматривалась Ключевская сопка с обоими кратерами прорыва. Верхний кратер представляет воронку во льду, из которой поднимаются пары и, изредка, пепловая туча. Зато нижний насыпал себе приличный шлаковый конус.

Невооруженным глазом видны вылетающие ежесекундно раскаленные лепешки магмы. От более сильных взрывов вверх летит фонтан магмы. Из лавопадов, малиновой рекой течет раскаленная лава и тут же скрывается в пропиленном ею же льду. Там, где лава

соприкасается со льдом, вверх рвутся столбы пара. На наших глазах рухнул ледовый мостик на лавовый поток. Столб пара, от мгновенно испарившегося льда, вознесся почти до вершины Ключевской сопки. Зачарованные величественным зрелищем борьбы двух стихий, мы забыли о голоде и

холоде. Если с голодом мы еще боролись, то холод быстро приводил нас в чувство. С заходом солнца он стал невыносим. Приходилось делать пробежки для восстановления чувствительности пальцев рук и ног. Никакие пробежки не помогли кинокамере. Даже на груди, под меховой курткой, она замерзла окончательно.

С наступлением темноты зрелище извержения предстало во всей красоте. Над темным конусом кратера веером разлетаются вулканические бомбы, бело-красная река лавы наступает на ледник. Вдруг ниже кратера, из темной громады ледника, наружу вырвался поток лавы и растекся трезубцем. Крики восторга и восхищения вырвались из наших замерзших губ.

Раскаленный поток проткнул ледяную плотину как масло. Оледенелыми руками настраиваем фотоаппараты. Снимаем с большой выдержкой, пристроив фотоаппараты, кто на камень, кто на ледоруб. За последние десятилетия вулканологи не помнят случая, когда бы конус вырастал на леднике.

Поэтому и вызывает это извержение такой большой интерес, поэтому наравне с вулканологами присутствуют здесь и гляциологи. Для них такое извержение большое событие. В палатки нижнего лагеря спускались уже в полной темноте при фонарях, оставляя позади ухающие конуса до следующего свидания. Белые столбы паров и газов отсвечивали красным отблеском. А над всей местностью, льдами, огнем и нашими заботами возвышалась седая от пепла, молчаливая громада Ключевской сопки.

Облачность закрыла перевал и подходы с другой стороны. Давление по барометру падает. Мужики шутят, идем на «взлет». Так и есть. При падении давления абсолютная высота увеличивается. «Поднялись» уже на 50 метров. Палатка вулканологов с печкой, поэтому она вечером служит и столовой, и красным уголком. На следующий день погода «нелетная», давление продолжает падать, «высота увеличилась» до 300 метров. Ветер к ночи, и без того сильный, дошел до предела. Палатки, а их стало три с нашим прилетом, натянутые на каркасы, хлопали брезентом как из пушки. Каркасы скрипят, грозясь развалиться. Ветер гонит снег, проникающий через мельчайшие щели и сыплющийся на наши спальные мешки и головы, в напряжении прислушивающиеся к наружным звукам.

Спим, если это слово применимо к нашему состоянию, в полной боевой готовности, то есть одетые, лишь унты под головой. Вещи собраны в рюкзаки на случай срыва палатки, а реальность такая существует. Добавляет беспокойства то, что ветер дует в сторону крутого оврага, куда спускается ледник. Через час нам с Андреем пришлось укреплять стенку палатки, ветер нашел слабое место. До трех часов ночи слушали мы вой пурги, замирая в ожидании худшего. Оно произошло, когда его меньше всего ожидали.

Убаюканные свистом и грохотом, измученные морально, мы были подняты на ноги хлопаньем брезента. Снежная пурга загуляла по палатке. Меня швырнуло шквалом за палатку, едва вылез из нее. Шквалистый ветер оборвал все застёжки на палатке и наполнил, как пузырь, воздухом. В любую секунду это грозило срывом ее в пропасть. Обламывая ногти, вцепились мы в обледенелые края брезента, стараясь свести их вместе. Куском веревки с помощью товарищей из другой палатки нам удалось зашнуровать вход. Потом наступила депрессия. Никто даже не глянул на часы. Снова залезли в свои мешки и под неумолчную свистопляску пурги ... уснули.

А проснувшись в десятом часу утра, с удивлением обнаружили тишину. Снаружи было тихо, лишь из низких туч с шорохом падал снег. Дежурный из теплой палатки зовет к столу. Не верится, что все кончилось и кошмарная ночь не продолжится днем. Но барометр показывает наше «снижение», и это радует. Стол сегодня праздничный, руководителю группы гляциологов Виноградову В.Н. - 48 лет.

Праздник удался на славу. В честь присвоения извержению имени, а его назвали 4 ВВС (четвертое всесоюзное вулканологическое совещание) решили выпустить стенгазету. Юмор всегда спасал от мрачных мыслей. Участие в выпуске газеты принимали все. Гляциологи оформляли художественно, Дубик

Ю.М. писал частушки, третьи давали советы. Поскольку я уже прогуливал работу, то по этому поводу в стенгазете дали телеграмму: «Ваш коллега задержан непогодой в горах. Вернется не зимой, так летом точно». Через пару дней вертолет совершил посадку в сложных условиях гор, и я улетел, оставляя здесь в снегах друзей и еще одну частичку своего сердца.

Рождение кратера – 75 г.

Что может понять и ответить человек, которого разбудили самым бесцеремонным образом, только заснувшего после бессонной ночи. Передо мной стоял товарищ по горным восхождениям Виктор Черноусов. Через несколько минут понял, на Камчатке взорвался вулкан и туда надо ехать. Не буду описывать все, что пришлось сделать, чтоб добиться этой цели. Скажу, было сложно, и поэтому товарищ отпал, о чем позже жестоко жалел.

Самолет летит на заданной высоте. Чернильный цвет земли сразу переходит в красно-оранжевую вечернюю зарю. А она, в свою очередь через переходные желтый, зеленый и голубой оттенки, уступает свое место космической бездне, в которой блещут звезды. После ужина уснул и спал практически до Магадана, куда приезжал работать в далеком 1964 году и откуда волею судьбы попал первый раз на благословенную Камчатку. Камчатка закрылась от внешнего мира плотным слоем толстых облаков. Не видно ни одного вулкана. Спускаемся, как в сосуде с молоком, неприятное ощущение.

6 августа 1975
года исполнился
месяц
новорожденному
кратеру Плоского
Толбачика. Вот
сколько времени
понадобилось мне,
чтобы добраться до
Ключевской

вулканстанции. Степанов В.В., замещающий начальника вулканстанции, развеселился при моем появлении. Еще, говорит, не появился, а о нем знает вся Камчатка. Как он выразился, директор Камчатского телевидения предупредил о твоём появлении. Действительно наши телевизионщики звякнули коллеге в Питере, чтоб оказал содействие внештатному корреспонденту Марийского ТВ. Значит, цепочка замкнулась.

Дни идут, а я все также слоняюсь по вулканстанции. Степанов В.В. заявил, что до вывоза с прорыва директора ИВ (Института вулканологии), нечего и думать о моей заброске. Даже на вулканстанции вздохнули с облегчением, когда уехал этот «свирепый» мужик. Сегодня было два вылета вертолета на прорыв, нас не взяли. Вертолет перебрасывал лагерь вулканологов подальше от наступающего потока. По рассказам очевидцев и радиосвязи там

творится что-то ужасное. Вулканологи считают это извержение образованием нового вулкана. Образование конуса и исток лавы идут такими темпами, каких давно не знал ученый мир. Скорость вылета бомб и магмы такова, что при съемке видны их абсолютно прямые следы вертикально вверх. Лапилли разносятся ветром до 2-3 км в сторону. Было несколько случаев попадания лапилли в людей. Так только Степанову В.В. дважды: первый раз по каске, второй раз по ноге ночью, пробив палатку. Хорошо, что в полете они успевают остыть снаружи. Размером лапилли с крупное куриное яйцо. Много еще чего можно написать со слов очевидцев об извержении, но подождем того дня, как сам увижу все своими глазами. Вечером подножье Ключевской потемнело. Темные грозовые облака закрыли небо над Ключами. Только когда запорошило глаза пеплом, мы поняли - это ветер, меняя направление, пронес пепловую тучу над нами. Пеплопад продолжался всего полчаса, но какие же чумазые мы были после него. Лица плотно покрыты серым пеплом, который при малейшем прикосновении расплывался в жирные темные пятна. Также и с одеждой.

Три дня в ожидании. В 12 часов дня радиосвязь принесла известие, Фешина вместе с палаткой снова разбомбило. Сейсмостанцию он спас, палатка в клочья. Тут же у радики Степанов В.В. дал распоряжение отправить меня с грузом на извержение в помощь Фешину. На извержение стремятся попасть многие. Пешком, через горы и долины Камчатки, пожалуйста. Ко мне подошли три литовца и попросили показать на карте маршрут прохода к Толбачику. Группа была хорошо подготовлена, самодостаточна и не нуждалась ни в чьей помощи. Со мной в палатке на вулканстанции ночует Фролов Владимир Тихонович, доктор м.н. из Москвы. Он также ждет возможности попасть на извержение. А пока мы с ним готовим каркасы для палаток, слушаем радио, наливаем во фляги воду - только бы лететь. Но тучи висят над головой, погоды нет. Связь принесла ужасную весть, кратер потух. Может ли

для меня, быть что-либо ужаснее! Лететь тысячи километров, ждать, надеяться, и все коту под хвост! По данным сейсмологов, дрожание прекратилось, а это значит, что активной фазе извержения тоже пришел конец. Очень скверно. Но недолго мне пришлось горевать, уже вечером вулканологи зафиксировали рой землетрясений со стороны Толбачика.

Неужели новый прорыв?! Да, вчерашнее свечение и рой землетрясений не обманули. По утренней связи узнали, что в 18 часов 50 минут образовалась новая трещина длиной до 500

метров, из которой фонтанирует магма. В центре трещины образовался кратер. За половину суток он насыпал себе конус до 100 метров высоты. Темпы невероятные.

Такие же темпы роста постройки показывал и первый конус. Вулканологи – люди, которых вообще-то поразить и удивить извержениями трудно, не могут удержаться от восторженных эпитетов в адрес новоявленного кратера. На извержении первого конуса побывали многие известные ученые, среди них геологи, геофизики, сейсмологи. В камчатском Институте вулканологии работает заведующий лабораторией прогнозов извержений Павел Иванович Токарев. Он ходит героем, лаборатория предсказала извержение. Сначала извержение так и назвали «Предсказанный». Но так как прорыв перерос размеры побочного кратера, то ставится вопрос о присвоении ему имени Горшкова Георгия Степановича, заслуженного ученого с мировым именем. Ждать, да догонять хуже всего, так гласит поговорка. Но, если уж попал на Север, то этим приходится заниматься вне зависимости от того, хочешь или нет этого ты сам. Вот и жду, живу ожиданием вылета на прорыв уже пять дней.

С утра намечен вылет на прорыв. Вместе с экипажем МИ-4 выехали на аэродром. Пришлось полдня просидеть на аэродроме, благо стояла тихая солнечная погода. Ко второму рейсу подъехали Иванов Б.И. и Степанов В.В. с сопровождающей свитой. Полетели. Погода начала ухудшаться в соответствии с камчатским сценарием, и я начал сомневаться, попадем ли мы вообще на прорыв. Но вот под крылом, если можно так сказать относительно

вертолета, показался лавовый поток с восходящими струями газов. Лихорадочно снимаю, без гарантии увидеть это еще раз. Погоды нет, идет мелкий дождь, так что эти кадры можно сразу списать. Вертолет заходит на посадку.

Среди встречающих, пышная борода Фешина вне конкуренции, знакомые лица вулканологов по прошлогоднему извержению на Ключевской Дубика Ю.М., Набойченко В. и по другим встречам на вулканах. Желаящих улететь больше, чем мест в вертолете, так как схожу я один, остальные прилетали поглазеть. Забрали лишь Фешина и Чиркова. Они вернутся через несколько дней, для них это своеобразный отпуск. Здесь, посреди лунной пустыни, поливаемые дождем и тем же вулканическим пеплом, они не имеют выходных. Поэтому и стремятся улететь, чтоб хоть немного передохнуть и помыться. Перед отъездом Валентин Фешин познакомил меня со своим помощником - студентом Томского госуниверситета Андреем, прибывшим сюда на

практику. Богатая на события и впечатления у него оказалась практика. На извержении они оказались уже на второй день после взрыва первого кратера. Все извержение прошло у них на глазах. Отныне Андрей для меня «царь, бог и старший начальник» в отсутствии Фешина. Валентин пошутил на этот счет: есть Андрею кем командовать, а то оставалась только собака, конечно же, по имени Вулкан.

Мы с Андреем живем в отдельной палатке, рядом вторая с сейсмографом. Меняем ленты в сейсмографе, а заодно идет и мое обучение на предмет заправки ленты. Делать это приходится в полной темноте, наощупь. Лента невысокой чувствительности, но все же светочувствительная. Здесь зримо представляешь положение слепых людей, их жизнь, без настолько нам привычного и необходимого света. Пару совместных заправок хватило для того, чтоб Андрей доверил мне самостоятельную работу. В один из напряженных дней я допустил оплошность (механизм не захватил ленту) и очень переживал по этому поводу. Андрей успокоил меня тем, что другие сейсмостанции запишут показания.

На прорыве работают четыре отряда вулканологов. Геофизики во главе с Фарберовым А.И., сейсмологи – со Степановым В.В., геодезисты – с Левиным В.И., геологи – с Чирковым А.М.. И как координирующая группа - группа «Вулкан» во главе с Дубиком Ю.М., с которым мы неделю «зимовали» в прошлом году на извержении кратера имени «4 ВВС». Его слова по отношению ко мне на этом извержении: «Ты опять здесь?! Ну и даешь!» прозвучали наградой после всего, что довелось вытерпеть, пока не попал на извержение. Основной лагерь и наш лагерь сейсмологов находятся на расстоянии друг от друга, чтоб не сбивать показания сейсмографа.

Хмарь, наконец, стала рассеиваться, и я увидел тот конус, к которому так стремился последний месяц. Увидел его потухшим. Лишь бледная струйка газов поднимается над вершиной, взметнувшейся на 300 с лишним метров. Он активно извергался 34 дня, насыпал себе мощную пирамиду и излил два

потока лавы, которые соединившись, протянулись на 5 километров.

Поток сжег на своем пути всю растительность, уцелевшую при пеплопадах. Местность вокруг вулкана выглядит так же, как, после обильной снегом зимы, в марте месяце. Только вместо белизны снега бугры, овраги, ямы сглажены пеплом. О глубине пеплового слоя говорят вулканологи: лагерь Фешина стоял в 1700 м от кратера. Над ним возвышалась 8-метровая радиомачта. Через две недели после начала извержения лагерь был разбомблен и

засыпан, а мачта полностью исчезла под пеплом. В окрестностях кратера из пепла торчат «обглоданные» им вершины кустов и деревьев. Мини-Помпея. Цвет пепла от серовато-зеленого до черного. Зелень, возможно, от влажности. В районе извержения пасутся стада облаков, из которых ежечасно сыплется то изморось, то дождь.

Я не ругаю цифру 13 с этого дня. 13 августа, на второй день после прилета, мы с Андреем побывали у подножья кратера. Это такое зрелище, когда любое описание просто

бессильно выразить эмоции человека. У меня много книг, описаний, вырезок из печатных изданий, фотоальбомы известных и уважаемых фотокорреспондентов, но все это бледная тень того, что видишь, стоя у подножья исполина, сыплющего на свои склоны и подножье раскаленные бомбы. Живое восприятие извержения не заменить ничем, нет таких средств на этом свете.

Следующий день начался с обязанностей замены и проявления сейсмограмм. Конус был закрыт облачностью. Лишь изредка через разрывы появлялся кратер или пепловая туча над ним. Грохот вулкана, доносившийся к нам, напоминает что-то среднее между звуком летящего реактивного самолета, шумом гигантского

водопада и обвальными взрывами.

После очередной смены сейсмограмм двинулись вверх, мимо полусыпанных, мертвых, сухих деревьев. На голове защитные каски, на груди фототехника. Чем ближе к прорыву, тем выше становится облачность, подогреваемая выделяющимся теплом. Подходим с наветренной стороны. От наших палаток до извергающегося конуса километра четыре. Сейчас лагеря расположены таким образом, чтобы избежать участи предыдущих лагерей, засыпанных и разбомбленных продуктами извержения. Справа от нас лавовый поток,

излившийся из первого конуса две недели назад. Сверху он остыл, но из многочисленных fumarol бьют вверх газовые струи. Камни около этих fumarol приобрели красивые бело-желто-зеленые оттенки.

Выходим к свежему потоку второго конуса. А над ним из кратера рвутся факела газов и пепла. Лава, подпираемая новыми порциями из кратера, движется. Сверху постоянно отваливаются глыбы и сыплются вниз со стеклянным шорохом, ну совсем как на стеклозаводах ссыпают битое стекло. Скатившаяся раскаленная глыба тут же начинает чернеть, лишь в трещинах еще долго видны малиновые разводья. До конца остыть не успевает, как на нее надвигается основная масса потока, погребая ее под собой. Красивая картина, еще красивее ночью, когда видны все оттенки цветов, переходящих из одного в другой.

Жар от потока, даже с наветренной стороны, чувствуется на расстоянии до 20-30 м. Стоять же у его кромки на расстоянии метра можно всего лишь секунды. Кажется, еще мгновение и вспыхнешь сам весь. Наверно, так бы и было, решишь смельчак на такой эксперимент. И это все на

расстоянии сотен метров от начала потока. Что тогда творится непосредственно у истока кратера? Вулканологи для сувениров втыкают острые предметы в кусок лавы и берут его на память. Я, честно говоря, от всей этой феерической картины обалдел. Не самое литературное слово, но самое верное в тот момент. Не каждый день видишь извергающийся вулкан и наступающую на тебя лаву.

Насладившись первым зрелищем движущегося лавового потока, пошли вдоль него к кратеру. Конус объединяет три жерла, которые поодиночке, а то и все вместе ежесекундно швыряют на сотни метров вверх лепешки раскаленной магмы и пепел. Если взрыв направлен под углом к оси конуса, то склон покрывается пылью от падающих бомб. Если взрывов несколько, следующих один за другим, то кромка кратера, а то и весь склон покрываются раскаленными бомбами, отчего он даже днем светится малиновым огнем. При каждом взрыве вместе с магмой взлетают струи раскаленного пепла, которые вверху начинают клубиться, превращаясь в пепловую тучу. Из нее темной завесой выпадают более тяжелые частицы,

очень схожей с ливневым дождем. А легкие фракции, взлетевшие на километры вверх, уносятся ветром на десятки, сотни и даже тысячи километров. От нас поверху дует сильный ветер, так как даже при взрыве в нашу сторону, лепешки магмы падают не далее края основания конуса. Учитывая это, мы незаметно для самих себя подобрались почти к самому конусу.

На глаз где-то 300-400м. Конус в видоискатели фотоаппаратов уже не вписывался. Все же частица благоразумия возобладала. Решили не рисковать, тем более что при малейшем ослаблении ветра пепловая туча угрожающе кренилась в нашу сторону, а раскаленные лепешки магмы яростно долбили склоны конуса. За полчаса съемок израсходовали весь взятый с собой запас фото и киноплёнки. Дома рассмотрим, что к чему, вулкан ведь не девица, ему не скажешь: «Внимание, снимаю!» Внимание нужно было нам, чтобы не быть засыпанными вместе с аппаратурой.

Раскаленный воздух от кратера и лавового потока доносило за 500 м, а с другой стороны разгоряченную спину охлаждал ветерок. Покуривая на гребешке, откуда открывался весь кратер, мы молчали, не сговариваясь. Нужны ли были какие-то слова?! Что могли мы, люди, противопоставить этой необузданной стихии, яростно вздымающей сотни, тысячи тонн магмы ежесекундно на сотни метров вверх. А, ведь, этому «ребенку» нет еще и четырех дней. Начался он с трех безобидных дымков и вот ревет, увеличивая с каждым часом свою мощь. Повторение первого конуса? Или братья-близнецы, рожденные одной трещиной.

На обратном пути наткнулись на маленькую пичужку, видимо, попавшую под пеплопад. Ее крыло было сломано. Лапили перебила крыло, а голод, на ровной от пепла земле, довершил дело.

Вчера мы «украли» погоду. Так говорят, когда среди фронтального ненастья выхватываешь кусок хорошей погоды. А с утра пошел дождичек, а затем и пепел с ним. Ветер точно сориентировал пепловую тучу на наши палатки. И так сыпал целый день. Вулканологи пошли на лавовый поток делать отбор газов, я с ними, «перебирать опыт». Неблагодарная эта работа, прямо скажу, рутинная, но необходимая для исследования вулканов. Снимал их для телевизионного фильма. Под непрекращающимся дождем с пеплопадом сидим с Андреем в палатке, смотрим, как пепел засыпает наши следы. Совсем «мартовский снежок». Только от этого «снежка» волосы становятся колом, руки и лицо, как у трубочиста. После дневной

киносъемки, час отчищал кинокамеру - пепел проникает всюду, даже внутрь фото- и киноаппаратуры. Дождь пропитал пепел, сделал из него кашу и ноги проваливаются до твердого слоя, скрывая чуть ли не весь туристский ботинок.

Поздним вечером, сменивший направление ветер отогнал и хмарь, и пепловую тучу. Возгласы удивления и восхищения раздалась в нашей, прогнувшейся от пепла палатке. Больше делал это я, так как Андрей много раз уже видел такие виды. Черная туча вонзилась в необозримое небо. Огненные сполохи взлетают на километровую высоту, и из них роем падают раскаленные бомбы. При взрывах в сторону первого конуса, который получил имя Г.С. Горшкова, а попросту Степаныча, лепешки магмы усеивали его склон, а некоторые даже и перелетали. С такого расстояния мы видим только приличного размера бомбы, имеющие высокую температуру. Мелочь остывает, ее не видно, но летит она гораздо дальше. Долго не могли мы оторвать глаза от этого фейерверка, расцвечивающего пепловые тучи, склон соседнего кратера и наши лица огненными сполохами. Никакие рукотворные салюты не идут в сравнение с картиной ночного извержения. Даже невозможно и сравнивать, нет общих критериев. Вулкан фонтанирует ежесекундно, но гигантские взрывы огненной магмы и пепла происходят реже и идут сериями. Новая смена ветра опять принесла дождь с пеплом, с сожалением пришлось закрывать палатку. Вот она - своенравная Камчатка, от которой в любую минуту надо ждать изменения погоды. Сколько часов, дней потеряно из-за этого. С другой стороны, такие повороты, какие мы испытали при восхождении на Овальную Зимина или, увидев сегодняшнюю картину, дают мощный всплеск адреналина, несравнимый ни с чем.

Еще одна напасть - изменившийся ветер погнал газы с потока на нас. Дышать стало трудно, пришлось забиться в спальники, как мыши.

Кстати, о мышах. Прошлой ночью наш пес Вулкан вел себя уж очень беспокойно. Я лежал в спальнике и писал дневник. Задумавшись над очередным эпитетом в адрес вулкана, заметил у себя на руке мышонка. От такого нахальства я опешил и дал ему спокойно уйти. Но затем мы провели операцию «мышь – враг здоровья» и спокойно уснули. Чего только не увидишь и не услышишь на извержении.

День начался великолепной посадкой вертолета МИ-4 под пилотированием бесшумного П. И. Хряпака, в условиях отвратительнейшей погоды. С утра волны тумана накатывали снизу одна за другой. И он, используя окно в тумане, сходу плюхнулся на посадочную площадку. Опыт полетов в таких сложных условиях у него огромный. В таких же сложных условиях прошлого года он обслуживал вулканологов на извержении «4 ВВС» на юго-западном склоне Ключевской сопки.

К вечеру облачность оставалась лишь в районе вулкана. С группой каких-то пляжных туристов, налетающих на извержение, как на мед, и двумя сопровождающими их вулканологами пошел к кратеру. Еще утром Хряпак П. И. говорил: «Лавы идут на вас, нужно убирать лагерь». За двое суток, что мы просидели в палатках из-за погоды, обстановка сильно изменилась. Лавы фронтом с километр вышли на ровное плато. Высота потока достигает 10 м. От наших лагерей она в 30 минутах ходьбы. Как только подойдет к спуску, скорость ее увеличится. Сейчас же скорость движения лавы 10 м/час. Второй конус имеет более густую лаву и меньшую скорость. На выходе из первого кратера лавы имели скорость от 500 до 700 м/час, а на фронте потока 120 м/час. Это огромные скорости. Вечером наблюдать за движением лавы более зрелищно. Огненный обелиск, глыба лавы, сама незыблемость - вдруг трескается, кренился и, набирая скорость, летит вниз, сшибая другие глыбы и увлекая за собой огненную реку.

16 августа

Погода пришла в норму. Вместе с киношниками из Института вулканологии и Хабаровского ТВ, а также вулканологами во главе с Дубиком Ю.М. вышли на лавовый поток. Вулканологи занимались замером температуры лавы на фронте потока, киношники снимали свои кадры. Для меня же было интересно все. Смотрел, как Дубик Ю.М. пирометром замерял температуру лавы потока: втыкал в кусок лавы, как в масло гвоздь, завертывал почерневший, но не потерявший температуру кусок лавы в бумагу, моментально воспламенившуюся. Киношники с удовольствием снимали эти манипуляции. Дубик Ю.М. рассказал о движении лавы, за счет чего у нее такая большая скорость. Лава движется за счет среднего слоя. Нижний слой остывает от соприкосновения с

землей, верхний - от окружающего воздуха. Только средний слой лавы долго сохраняет высокую температуру.

От потока вышли на бугорок, откуда открывалась прямая видимость бушующего кратера. А кратер разыгрался не на шутку. Вся киношная группа и я в том числе, снимали кино, щелкали затворами фотоаппаратов. Таковую картину невозможно наблюдать спокойно. На ум приходит строчка из песни: «бьется в тесной печурке огонь...». И на самом деле кажется, что конус ограничивает возможности вулкана, заставляя его изрыгать огонь и пепел только вверх. Невероятно красивое извержение!!! Пепловые выбросы уходили в синее небо на километры. Прямые стрелы выброшенной магмы

показывают мощь извержения. Место, на котором мы находились, было чуть дальше, чем в первом подходе, примерно 600-700 м. И как оказалось, не зря. Присел, чтобы перезарядить фотопленку. Слышу удар, следом второй такой же непонятный звук, Оглянулся, думая это шутки попутчиков. Третий удар пришелся по каске. Как на войне, два пристрелочных, третий в цель. От такой любезности «лапилли», если б стоял, то наверняка бы сел. Удар по каске и звон были приличные.

Я много слышал о лапилли от вулканологов: как они им отбивали плечи, руки, бороздили лица, пробивали палатки, разбивали бутылки с маслом и т.д., но сам попал под их «поцелуй» впервые. Мне даже не пришлось увидеть, какая она моя, лапилли, отскочившая взад.

Вечером этого же дня мы с Виктором Набойченко надумали пофотографировать конус ночью. С тем самым Виктором Набойченко, который получил правительственную награду за работу по испытанию лунохода на песках Толбачика в 1969-1970 гг. Взяли палатку для ночлега. С нами напросился сын одного из начальников отряда, Серега. Виктор снимал со штатива, я - с камня.

Снимали с вольной выдержкой, предполагающей до нескольких десятков секунд.

Снимали до 23 часов ночи, как вдруг мои компаньоны засобирались вниз. Пришлось уйти всем, самодеятельность не допускалась. Очень жаль было покинуть такую съемку. А пока у нас оставались кадры ночной съемки, когда выбросы раскаленных бомб полностью покрывали склон кратера, покрытый малиновым огнем. Огненные ручьи текли по склону. Раскаленный пепел рисует над кратером сказочные цветы. В ночи расстояние скрадывается и кажется взрывы, несущие бомбы, летят в тебя. Тот же Виктор говорит: « я не трус, но я боюсь». И это человек, видевший не одно извержение, лазавший на неостывшие кратеры. Что говорить обо мне и других, увидевших такое неопишное зрелище впервые? С одной стороны - вроде бы и страшно, с другой - страшно интересно. И вторая половина перевешивает первую. Привыкнуть к красоте извергающегося вулкана нельзя. Устать можно, привыкнуть нет.

Уже из палатки, поздно ночью увидели сверкающие молнии над кратером. Раньше мне не доводилось видеть их воочию. Попытался снять несколько кадров, открыв затвор фотоаппарата на вольную выдержку и, ловя момент разряда молнии. Доля везения и удачи не

обошла меня и в этот раз. Мощный разряд ударил прямо в жерло кратера, на миг ослепив глаза. Уже дома, проявив пленку, убедился в этом. Прекрасный вышел кадр радующий душу и по сей день. А день выдался на события настолько богатый, что пометки в дневнике делаю далеко за полночь. Удачная съемка

вулкана, лавы, молнии, впечатления от извержения настолько возбудили организм, что сна нет ни в одном глазу. Днем прилетал вертолет, прибыли закончивший отдых Фешин и начальство с Института вулканологии. Завтра сюда прилетают иностранные журналисты. Им хотят показать извергающийся вулкан. Для них совсем недалеко от вулкана оборудовали лагерь.

17 августа

Этот день вспоминаю и буду вспоминать, как один из самых значительных в своей жизни. Проснулись мы от возгласа: «Новый прорыв!» Оказалось, правда, не прорыв, а трещина. Сразу после завтрака побежали вверх. И немедленно бросился в глаза притихший второй конус. Еще утром из него валяли клубы пепла, правда, без взрывов. К 10 часам остались лишь легкие струйки газов. Потух?! А собравшиеся на горке метрах в 500 от вулкана вулканологи уже живут надеждой увидеть начало нового извержения.

Ранним утром Володя Андреев, студент-практикант, побежал вверх и увидел трещину. Из разговоров выяснилось, что наш уход ночью с места фотосъемки почти совпал с образованием трещины. Она прошла в полуметре от следов штатива с фотоаппаратом. Где же была наша интуиция? К трещинам сбежались специалисты со всех лагерей.

Дубик Ю.М. и Андреев В. под шумок ускользнули на притихший и горячий еще кратер. Заметили беглецов поздно, уже лезущих на сам конус. Жалею, что меня не было в их числе. После возвращения выяснилось, что Володя Андреев ожег ноги.

Трещина, к которой было приковано все внимание, с утра была неширокой, сантиметров 20-25 и небольшим провалом грунта глубиной до 5-10 см, нитью убегающей в сторону действующего кратера. Геодезисты сразу стали замерять и нивелировать ее. Юмор и шутки у вулканологов были всегда в почете. Фешин в пику приборам применил свой метод нивелирования. Воткнул два колышка по обе стороны трещины, натянул шпагат и воткнул окурочок относительно него. Результат: у него был подъем на 5 см, у прибора 6 см. Не угадал он только того, какой край трещины поднялся.

Время в ожидании событий тянулось медленно, ничего кардинального не происходило. Решил сходить к замолкшему кратеру поискать сувениры. Подошел к самому конусу, герою последних дней. Не верилось, что вчера и мысли такой допустить было нельзя, подойти к нему. Еще вчера такой поход был бы смертельным поступком, а сегодня стою здесь, задрвав голову на более чем стометровую вершину гиганта. Вся местность в радиусе до 200 метров избита вулканическими бомбами. Поле покрыто воронками от них. Везде светлый пепел. Крупные бомбы, около метра, погружены в пепел, бомбы помельче торчат из него, а маленькие практически лежат на поверхности. Глаза выискивали наиболее удачные формы, ноги брели, обходя воронки и бомбы, скатившиеся со склона. Картина напоминала поле боя, усеянное воронками от бомб и снарядов, когда уцелевший воин обходит его в поисках живых друзей, а находит мертвыми.

Вот тут-то и произошла встреча, которую кроме как удивительной просто не назвать. Ко мне подошли те трое литовцев, которым я показывал в Ключах на вулканстанции дорогу на Толбачик. Они пришли вчера, успели посмотреть буйство и красоту извергающегося кратера и на завтра планировали уйти на сам Плоский Толбачик. Просили рассказать пути подъема на него. В процессе рассказа, один из них поднял голову и испуганно воскликнул: «Смотрите!» Из кратера валил черный пепел, а мы сидели всего-то в 20-30 м от конуса. Первым же взрывом ... Откуда и прыть взялась - метров 200 шпарили без оглядки.

Только тогда, когда воронки от бомб стали встречаться реже, перешли на шаг. Мы распрощались, не зная о том, что это была еще не последняя наша встреча. Подымаясь на свой бугорок, где сидела группа вулканологов-наблюдателей, я подсчитывал свой урон от неожиданного испуга. А он оказался значительным для меня в плане потери нескольких уникальных бомб-сувениров и отсутствия фото-кинокадров разбомбленного поля около конуса.

За то время, что я бродил около конуса, два вертолета МИ-8 привезли и высадили иностранцев. Они от нас примерно в километре. Руководство Института встретило их и сразу повело к проявляющему признаки жизни кратеру. Прилетев вчера, полностью удовлетворили бы свои желания посмотреть извергающийся вулкан, а так - это прибытие к шапочному разбору. Группа более 20 человек подошла к нашему бугорку. Им показали трещину, а пять человек оторвались от основной группы и забрались к нам на горку. Представились трое: чех поляк и венгр. Чех снимал на кинокамеру, поляк сразу плюхнулся на брезент и о чем-то зашептался с нашей девушкой. Дрознин попросил его рассказать свежий анекдот. Он говорит «можно» и вытаскивает плоскую бутылочку со спиртом. Мы посмеялись и отпробовали по глотку этого «анекдота». А венгр оказался корреспондентом радио. Почему-то он выбрал меня и стал пытаться. Под аккомпанемент вновь заработавшего кратера я ему рассказал все, что знал сам об извержении и о себе, по его просьбе. Разговор он записывал на пленку портативного магнитофона. Гости ушли в свой лагерь, а у нас начался разброд. Одни говорили - трещина даст новый прорыв, другие - стали утверждать, что трещина это результат проседания коры. А трещина тихо делала свое дело, расширялась. К вечеру ее ширина составляла до 1, 5 метров, с глубиной до 0, 5 метра.

Организм требовал возмещения потраченных сил, желудок бунтовал, не имея с утра крохи хлеба. Пришлось пойти навстречу этим низменным наклонностям, сделав при этом стратегическую ошибку. Сидел перед палаткой, руки заряжали в темном мешке пленку для кинокамеры, глаза устремлены на пепловую тучу над, вновь начавшим извергаться вторым конусом. Вдруг левее кратера, на фоне еще светлого неба, взгляд поймал сначала серый, затем черный дым бурно увеличивающийся, через секунды снизу он окрасился в красный цвет.

Третий прорыв! Это случилось в 21 час 13 минут по моим часам. Еще через пару минут мимо нашей палатки уже мчались вверх вулканологи из основного лагеря. Степанов В.В., стуча себя в грудь, кричал нам с Андреем: «Ну что я говорил!» Перед

выездом на вулкан, изучив сейсмограммы, заявил: «Попомните, будет еще прорыв».

Поэтому горд и счастлив он в эти минуты. В числе последних, задержавшись с зарядкой кассет, помчался следом. Сорок минут, теряя вес в виде пота, мчался в гору, догоняя и перегоняя коллег, менее подготовленных физически. Темнота упала быстрее, чем мы прибежали к новому кратеру. В отвесах извержения выскакиваю на бугор с группой людей и слышу возглас, коверкающий русский язык: «Ну, русска, ну, русска, сказали и сделали!» Долго мне слушать их восхищения нашими вулканологами не дали. Бдительные работники в «черном» тут же посоветовали обогнуть этот бугорок, что я, от греха подальше, и сделал. Последний гребень и вот он - новый прорыв. Первое время не могу оторвать взгляд от бушующего пламени, сыплющихся дождем бомб, образующих постройку прямо на глазах. Еще днем бродил по этому месту в поисках сувениров, а сейчас они сыплются тысячами в секунду. Руки тянутся к аппаратам, своевременно останавливаюсь, пленки остались сухие крохи. Обхожу извергающийся вулкан слева, в поисках наилучшей точки съемки. Темнота прячется со стороны, противоположной извержению. На стороне, обращенной к кратеру, можно читать газету, до того светло. Опять натыкаюсь на группу знакомых литовцев. Они очень довольны тем, что за сутки увидели столько уникального и красивого, запечатлели извержение вулкана и сейчас наблюдают рождение нового. Редкостное везение и удача улыбнулись им, да и не только им, имея, ввиду и себя.

На месте трещины образовалось до 6 жерл, но с ростом постройки осталось два, объединенных в один кратер. До него рукой подать, каких-то 250-300 метров. Чуть ранее литовцы были еще ближе к фонтанирующей трещине. Ветер относит пепел и лапилли в сторону второго конуса. Разброс

бомб тоже пока небольшой. Погода идеальная. Все это вместе создало прекрасные условия для наблюдения за извержением. Вулканологи и туристы подковой облепили все высокие места. Иностранным корреспондентам все же повезло несказанно. Вести прямые репортажи с рожденного прямо на их глазах вулкана - не каждому дано.

Вулканологи бегают за горячими еще бомбами. Для них это работа в первую очередь, зрелище второстепенно. Вулканическая постройка растет на глазах. Прорыву еще только 3, 5 часа, а насыпная часть прорыва уже достигает 15-20 м. Она вытянута с севера на юг. Конусом ее пока назвать нельзя, позже, при условии активной деятельности, превратится в конус, а пока «верблюд» с вогнутостями вместо горбов. Звук взрывов рвет барабанные перепонки, магма непрерывным потоком выбрасывается вверх, рассыпаясь огненным дождем. Выше постройка, выше становятся и выбросы магмы. Этот прорыв уже третий за последние 41 день с начала извержения первого конуса. Лаборатория П.И. Токарева предсказала извержение Толбачика. Это их большой успех и продвижение по пути предсказания извержений, что немаловажно в тех условиях, когда человек и вулканы становятся все ближе друг к другу.

Сиюю на горке, а перед глазами полыхают два факела, огни второго и третьего кратеров. Второй сегодня днем молчал, но к ночи разыгрался, и еще неизвестно, какой из них работает сильнее. Просто мы сидим в непосредственной близости к третьему кратеру, и он ниже, что немаловажно для распространения звука.

С концов этого «верблюда» начала вытекать лава, но ее пока мало. Взрывы становятся оглушительнее, извержение

набирает обороты. Звук их - нечто среднее между ревом реактивного двигателя и треском разрывающейся материи. Только длительность взрыва составляет доли секунды. Ежесекундно происходит их несколько, сливающихся в какую-то какофонию, едва ли поддающуюся переложению на ноты. Тонны, десятки тонн магмы ежесекундно поднимаются в воздух, чтобы миллионами брызг разлететься по сторонам, усеивая склоны постройки и ее подножие. Вся вулканическая постройка бело-розовая от беспрерывно падающих бомб. Пепла мало или его не видно в ночных условиях. Со стороны кратера жарко, другую сторону кусает холод. Временами поворачиваемся для обогрева. Можно было бы остаться на ночь, но что делать без пленки. Обращение к соседу поделиться ею, вызвало безмолвный жест пальца у виска. Это была просьба отчаяния и, конечно, ожидаемый ответ.

Оборачиваясь почти на каждом шагу, бреду вниз. Незабываемое и невиданное доселе зрелище отпечатывается в глазах, с этим и засыпаю глубокой ночью в палатке. Утром сходил наверх посмотреть на новый кратер. Постройка выросла раза в полтора и уже внушает уважение. Язычок лавы с северного конца прошел метров 100 и остановился, так как его лавоток исчез под северным склоном постройки. С южного конца лава продолжает вытекать и прошла метров 300. Подойти туда невозможно, место простреливается бомбами с обоих кратеров: второго и третьего. Днем постройка третьего извержения выглядит менее эффектно, чем ночью. Возможно из-за того, что еще не сформировался сам конус до конца и отсутствия мощных пепловых выбросов, придающих вулкану вид вулкана. Я сухой, в плане отсутствия пленки и в плане эмоций, отданных вчера без остатка моему вулканическому «первенцу». Через день был уже в Ключах. Там, отмывшись от пепла и грязи, посетил вулканстанцию, где был первым посетителем после взрыва третьего конуса. Целый час рассказывал сотрудникам, тем, кто не смог попасть на извержение, о том, как возникла трещина, возникновении прорыва и последующем извержении магмы, всем том, что видел сам.

Этим заканчивается самая яркая страница в моих путешествиях по Камчатке. Везение, взаимовыручка и удача сопутствовали мне здесь на БТТИ, как назвали его впоследствии, Большом трещинном Толбачинском извержении.

«Пенсионные» восхождения

Мы на Камчатке. Мы, это я и мои друзья, два Володи - Суслов и Судаков. Узнали, что я езжу «чистить жерла вулканов за хорошую плату» и попросились помочь мне. Я не возражал. Наша цель - Ключевская группа вулканов. На аэродроме аэропорта Елизово познакомились с Жариновым Н.А., начальником Ключевской вулканстанции. Там же к

нам примкнул турист и патриот Камчатки житель г. Петропавловска-Камчатского Толя Бабенко.

По прилету в Ключи разместились у моих друзей - Коли и Вали Дянвинсан, а вечером познакомились с вулканстанцией и Жариновым Н.А. поближе. Узнав о наших планах, он предложил нам завтра вылететь в район Безымянного вулкана. Лучшего нам и желать было нельзя. Уже через сутки мы высадились у Безымянного. Наш путь лежал чуть дальше, к сопке Овальная Зими́на. Вулканологи остались у подножья Безымянки. А нам надо было акклиматизироваться,

что мы и начали

делать. Через три часа мы тоже раскинули свои палатки на траверзе Овальной Зими́на.

Раннее безоблачное утро 2 августа 1989 года. Судаков В. говорит, что ночью видел свечение на вершине Безымянного. Снимаем на пленку купол, из которого вертикально вверх поднимаются газы и пепел. Такого вчера мы не видели, когда там высаживались. Нам в противоположную сторону - на потухший вулкан Овальная Зими́на. Возраст нашей тройки уже далек от

хождения по горам, только наш камчатский партнер резв и быстр. Легко перепрыгивает препятствия, о которые запинаемся мы. Вспоминая поход 17-летней давности с Борисом по этому пути, прихожу к выводу, что все надо делать вовремя.

На лавовом потоке, ведущем к вершине, сделали привал на обед, совмещенный с фото и киносъемкой. Отсюда открывается великолепная картина на близлежащие вулканы. Долину, которая отделяет нас от Безымянного вулкана, уже затянуло облачностью, подбирающейся к нам. Выше Ключевской тоже начинает образовываться облачность. Безымянный парит белыми газами, сменяющимися пепловыми клубящимися выбросами, до высоты рядом возвышающегося вулкана Камень.

Ближе к полудню Безымянный выдал тучу пепла, сравнимую с самыми мощными выбросами второго кратера Толбачика. Клубящееся облако пепла взлетело выше камчатских гигантов. В течение некоторого времени шло это мощное пеплообразование. Как там чувствовали себя вулканологи во главе с Жариновым Н.А., у подножья Безымянного время этого пеплопада? Облачность остановилась в районе 2500м. В пять вечера остановились и мы, не дойдя до вершины метров 400. Разведка Толи показала, что впереди снежно-ледовый склон,

переходящий в такую же вершину. Кошек у нас не было, как не было и времени на штурм. Разумное предложение не рисковать, не имея снаряжения, поддержала вся группа. Совсем неудачным наше восхождение назвать нельзя, дошли до ледника вершины, увидели извержение соседнего вулкана, мои товарищи прочувствовали на себе все «прелести»

горного восхождения. К палаткам подходили на «деревянных» ногах после 11-часового подъема. На первый же день похода выдержать такую нагрузку мог только наш Толя.

После первого «трудового дня» встали не сразу. Вместо лагеря, где за извержением наблюдала группа Жаринова Н.А., мы полезли с противоположной стороны на гриву взрывного кратера Безымянного. Сначала было чисто, только слабая облачность слегка и изредка закрывала кратер. При выходе на вершинный гребень облачность полностью накрыла нас. Стало влажно и прохладно. Временами видимость не превышала 30-50 м. Толя от нас убежал, темп «пенсионеров» его не устраивал. Заблудиться тут негде и, держа направление только вверх, карабкались по осыпи.

Осыпь, камни, на которые мы иногда присаживались, были покрыты белым пеплом, одежда тоже побелела. Вчера при мощных пепловых выбросах, он покрыл все окрестности, не обходя и наши палатки. Каждый крупный камень, проглядывающий сквозь облачность, мы принимали за выход на взрывной кратер. Уж очень хотелось выбраться на него, достичь конечной цели. Перед выходом появились разрывы в облачности и солнце. Это нам награда за добровольные

Осыпь, камни, на которые мы иногда присаживались, были

страдания. Толя нас приветствовал сверху. Мы прошли повыше по взрывному кратеру. Мне уже знакомы с 1972 года почти острые пики – остатки конуса Безымянного вулкана после катастрофического взрыва 1956 года.

А для моих друзей, не имеющих опыта горных восхождений, это было испытанием. Справа уклон под 45 градусов, слева вообще почти отвесная пропасть. Восточный ветер сносил с купола газы, перекрывая нам дальнейший путь. Облачность попеременно открывает и закрывает края кратера и купол и так закрытый газами. Наша фотографическая активность

полностью зависит от небесной канцелярии. Сегодня уже нет мощных пепловых выбросов, приводивших нас в восторг с Овальной Зимина. Какое-то короткое извержение, всего двое суток. Купол за прошедшие 17 лет вырос и даже перерос стенки эксплозивного кратера. С купола периодически валятся камни. Между куполом и стенкой кратера на огромной глубине снежники, покрытые пеплом. Если большой камень пробивает верхнюю часть снежника, там виден белый снег. С другой стороны купола слышен шум сходящих лавин.

Спуск прошел быстро и без потерь. Ночь и первая половина следующего дня прошли под знаком непогоды и холода, заставившего натянуть на себя все запасы теплой одежды. К вечеру добрались до палатки вулканологов. Ветер сохраняет свою силу, порывы даже усилились. Палатка ходит ходуном. Низкая облачность закрывает Безымянку. Всю ночь ветер трепал палатку сильнейшими порывами, испытывая ее на прочность и устойчивость. Тепла в печке хватило только на то, чтоб заснуть. Ежась от холода в несуетную рань, выглянул в окошко. Грозными исполинами возвышались вулканы Камень и Ключевская, серый от пепла купол Безымянного среди распахнутых берегов старой постройки. Для съемок освещенности было мало, и мы занялись печкой, в палатке зуб на зуб не попадал от холода. А на улице стоял

настоящий колотун. Взошедшее солнце, пригрело и дало возможность заняться фотосъемками.

Картина была великолепная. Все вулканы Ключевской группы выстроились вокруг нас во всей своей красе. Подводил только

Безымянный, вершину его купола все время затягивала легкая пелена газов. Позавтракали, убрались, накололи дров, взамен сожженных, и закрыли гостеприимную палатку. Наш путь лежит на Апохончич.

Каньон реки Сухая Хапица заметно углубился и расширился за те годы, когда я его видел последний раз в 1972 году. Не связанные между собой частицы пепла не могут сопротивляться бешеному напору воды, берущей свое начало высоко в горах. Поток воды, грязный от пепла, ворочает камни. Их стук глухо доносится из воды. Поддерживая друг друга, перебрались через поток. Еще немного, еще чуть, чуть и ночью турист там, где стоишь, жди следующего дня. Мосты здесь не строят, приспособляются к природе.

Знаменательный «камешек» Амбон, размером с хороший двухэтажный дом запечатлен

на нашей фотопленке со всех сторон. Появился он здесь свыше 1000 лет назад при катастрофическом взрыве или при каком-то ином разрушении вулкана Камень. Так предполагают вулканологи.

Апохончич появился перед нами ближе к вечеру. Домик перестроили. Сухая речка, как и

Хапица, расширила свой каньон и углубила его. Лавовый поток, остановившийся навсегда, показался постаревшим. Так оно и есть, он разрушается от дождей и ветров, заносится пылью. В природе нет ничего вечного, даже нас и наших представлений о ней. Семнадцать прошедших лет, это тоже время и с ним надо считаться.

В Ключах нанесли прощальный визит Жаринову Н.А. на вулканстанции. Поблагодарили его за оказанную помощь и поддержку, рассказали о своих восхождениях на сопку Овальная Зимина и эксплозивный кратер Безымянного. Подробно описали извержение

Безымянного, каким его видели со склона Овальной Зимина. С его приглашения осмотрели музей вулканстанции.

Тепло распрощавшись с Жариновым Н.А. и приютившими нас на эти дни Валентиной Дмитриевной и Николаем Ивановичем Дянвинсан, учителями поселковой школы, мы улетели в г. Петропавловск. Толя, наш товарищ и партнер по восхождениям, предложил «сбегать» на «домашний» вулкан Авачу в 30 км от города.

Переночевали, перетрясли рюкзаки, освободив их от всего лишнего, взяли запас продуктов и снова наши ноги в «вибрамах» торопятся в гору по пеплошлаковой местности, уже поросшей кустарником и деревьями. На ночлег встали возле журчащего ручейка. Вершина нам так и не открылась, зато город внизу рассыпался огнями. В семь утра вышли на маршрут. «Как ели, так и пойдете», напутствовал нас Толя. Этим он подметил, что аппетит у нас был не-ахти какой. По утопанной тропе, вдоль заросшего лавового потока взбирались мы вверх. Облака, нависавшие над нами, медленно отступали. Так продолжалось два часа, пока не вышли на сам лавовый поток. Здесь сразу прибавили в подъеме по высоте, и облака приняли нас в свои влажные объятия. Изморось начала покрывать одежду и фотоаппаратуру, висевшую на груди.

Проводник шел уверенно, успокаивая нас тем, что, не видя вершины, легче идти. Может быть он и прав, но мы ведь ехали и поднимаемся за впечатлениями и съемками. А что можно получить, если кругом вата тумана, да четыре обросших рожицы. Подъем стал значительно круче, мы вышли на сам конус. Он покрыт барранкосами, продольными оврагами. Конус на пути подъема сложен из шлака довольно рыхлого. В нем много камней, служащих нам опорой для ног. Нога, ступившая на камень, скользит вместе с ним. Поистине шаг вперед, два назад. Ближе к вершине вылезли из облаков. Ослепительно синее небо, белое море облаков под ногами, от которого больно глазам. Вот она, вершина. Задыхаясь и отплевываясь от газов, лезущих в легкие, едва ветерок чуть ослабевает, вылезаем на кромку кратера.

Картина великолепна. Полностью открытый от облаков и газов кратер, хорошо видные шипящие фумаролы в нем. За кратером торчит из облаков конус Корякской сопки. Его вершина на 700 м выше Авачи, высота которой 2741 м. На противоположной стороне 400-метрового кратера передвигается группа людей. Пока мы занимались съемками, они подошли к нам. Туристы из Москвы поднялись с другой стороны Авачи и перешли сюда по кромке

кратера. Снимать с нашей стороны удобнее. Авача стала «домашним» вулканом для всей нашей необъятной Родины. Последние кадры вулкана, последнее фото на память о них и вниз.

Через 200 метров облачность, сторожившая нас, опять приняла в свои объятия. Проскочили ее полуторакилометровый слой, попили чайку на месте ночевки и вечером снова были в квартире Толи Бабенко.

Вот и все о вулканах, извержениях и людях Камчатки, с кем довелось встретиться и подружиться.

Н. Краев

март-апрель 2013